

63.5(27-6AE)
3-42

С. Т. ЗВАНБА
АБХАЗСКИЕ
ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ
ЭТЮДЫ

— майор Званба

63.5 (сг-67)
3-42

С. Т. ЗВАНБА

**АБХАЗСКИЕ
ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ
ЭТЮДЫ**

Гагрская Центральная
городская библиотека

ИНБ. № 7172

Составитель, автор биографо-библиографического очерка и ответственный редактор член-корреспондент АН ГССР, профессор Г. А. Дзидзария

Этнографические работы С. Т. Званба сыграли значительную роль в истории изучения быта абхазов. Отдельной книгой с пространным введением составителя они впервые были изданы в 1955 году. Настоящее издание этюдов — второе. Новым в сборнике является статья автора «Гагра и джигеты», а также составителем существенно переработан и дополнен биографо-библиографический очерк о С. Т. Званба.

О ГАГРЕ И ДЖИГЕТАХ

Земля абхазская начинается¹ от реки Жуадзех², но деревень абхазских нет по правую сторону р. Бзыба, потому что они были подвержены опасности от беспрестанных нападений со стороны соседей. Прежде там были деревни, но со времени усиления вражды между абхазцами и джигетами, жители сих деревень перешли на левую сторону Бзыба. По низменному взморью на правом берегу Бзыба паслись стада абхазцев; в мае месяце нынешнего года джигеты угнали их в виду абхазцев, которые не могли переправиться через Бзыб по причине полноводия реки.

Теперь река Бзыб служит естественною границею между Абхазиею и джигетами. Она выходит в земле Псху из Главного снегового хребта Кавказского. Летом она не имеет бродов даже в то время, когда Кодор и Ингур переходимы. В низовьях долина ее широка, но русло реки прилегает к самым горам левого берега, и потому тропинка вверх по долине Бзыба идет верст на двенадцать от устья по правому берегу реки. С ноября до апреля месяца на Бзыбе есть броды, но их немного. Сверх того русло реки завалено большими камнями, а течение бывает во всякое время весьма быстро, особливо до выхода из гор. Весною при большом полноводии течение это доходит до 8-ми морских миль в час. Лучший брод через Бзыб находится против абхазской деревни Джибхун³, принадлежащей князю Иналипа. Она лежит в двенадцати верстах от моря и в полуверсте от левого берега Бзыба.

На день ходу от сей деревни и на таком же расстоянии от псхувских деревень Амызнеха⁴ и Регеза находятся развалины древнего каменного моста через Бзыб. Крайние арки его еще уцелели, а середина обрушилась. 27-го февраля нынешнего года джигеты, положив де-

ревья с одной арки на другую, перешли пешие через Бзыб и сделали нападение на абхазскую деревню Дурбиш. Из деревни Джибхун до сих развалин и далее в землю псхувцев есть тропинка, но не по долине Бзыба, а по горам левого берега. Она весьма затруднительна для конных и потому по ней мало ездят. Лучшее сообщение абхазцев с землею Псху есть выючная тропа из деревни Ачандар[а] на псхувскую деревню Амызнеха.

К северу-западу от Абхазии и Псху живет народ, который называет себя халцъс и известен у абхазцев под именем асадзкуа, а у грузин под именем джигет. Земля их называется у абхазцев Садзен⁵. По берегу моря земля сего народа простирается до черкесского селения Хамыш, лежащего между реками Агура и Хоста. К северу земля джигетов простирается до самого снегового хребта.

Джигеты говорят наречием абхазского языка, несколько отличным от коренного, но абхазцы не считают их одного с собою происхождения⁶. Джигеты были прежде в тесном союзе с владетелями Абхазии, но никогда не были их подданными, только при владетеле Абхазии Келеш-бее джигеты платили дань. Народонаселение на земле их вдвое менее, чем в Абхазии, даже и без Самурзаканского округа.

Земля джигетов весьма гориста. Главный хребет покрыт вечным снегом; от него отходят две отрасли: одна разделяет долину Мдзымты от долины Псху, а другая долину Псху от долины реки Бзыб. Сия последняя отрасль упирается большими возвышениями в море между реками Хотупсе и Бзыбом. Последняя из сих двух отраслей выше первой. В верстах в 20-ти от моря на ней начинаются высоты, которые большую часть года бывают покрыты снегом. В верхних частях главных рек горы весьма скалисты и покрыты хвойным лесом; реки и горные ручьи текут в глубоких и крутых ущельях, через которые с трудом могут переходить только пешие. Конных тропин поперек ущелий весьма мало. Ближе к морю местность сохраняет тот же характер только в тех местах, где проходят две вышеуказанные главные отрасли и особенно последняя. Остальное пространство более доступно и имеет в долинах места, удобные для хлебопашества и сенокосов. Большая часть земли джигетов покрыта лесом: только там, где более жилищ, на-

ходятся чащобы и поля. На приморской полосе лес никогда не был вырублен.

Главные реки в земле джигетов суть следующие: 1-я — Хоста, 2-я — Худапсе, 3-я — Хорота, 4-я — Мдзымта, 5-я — Псоу, 6-я — Мегахдыр, 7-я — Хошупсе, 8-я — Бхупца, 9-я — Чугурханеха и 10-я — Жуадзех.

Река Мдзымта более всех по качеству вод и по длине своего течения. Она выходит из Главного снегового хребта из горы Заадан, с северной покатоности которой спадает река Лаба (по-абхазски Ерых). Мдзымта принимает множество горных ручьев, но ни одного значительного притока. При устьи сей реки построено в 1837 году укрепление Святого Духа. В этом месте долина имеет до трех верст ширины. По долине есть дорога, по которой можно провезти даже горную артиллерию, верст на 30-ть от моря, но во многих местах ее нужно разрабатывать. Дорога эта часто переходит с одной стороны реки на другую, и потому по ней можно идти только зимою и в позднюю осень; в другое же время года от таяния в горах снегов река Мдзымта глубока и имеет весьма мало бродов. Сверх того от дождей вода в реке прибывает чрезвычайно быстро и несет с таким стремлением, что уничтожает всякую возможность к переправе, но такие разливы бывают весьма непродолжительны. Далее к вершинам долина Мдзымты суживается: по ней нет дороги, а верховые ездят обходными тропинками через горы.

Прилежащая к морю часть долины Мдзымты называется Лияш и принадлежит князьям Аред-бей. Эта фамилия многочисленна, и хотя не имеет особенной власти, но пользуется главным влиянием на окрестных жителей. Старший в сем роде есть князь Аред-Чигуа. Он человек умный и храбрый. Дядя его Биаслан убит в 1837 году при занятии Адлера. Семейство Аред-бея издавна имеет желание покориться. Чигуа живет в 3-х верстах от укрепления Св. Духа, с которым имеет сношение.

Жители рек: Хоста, Худапсе и Хорота зависят от фамилии Аред-бей. Все сии реки вытекают не из снегового хребта: Хоста более других по длине течения, а Худапсе более населена; Хорота маленькая приморская речка.

Выше урочища Лияш в долине реки Мдзымта находятся одно за другими урочища Бага и Цвиджага, в которых живут дворянские фамилии (аамиста) того же

имени. Они не зависят от Аред-бея и составляют особое общество; жилища их находятся в местах почти неприступных и потому, несмотря на сравнительную малочисленность, они удерживают Аред-бея и жителей урочища Лияш от покорности русским.

На день езды от Цвиджага живет на р. Мдзымта до самого снегового хребта общество **Ахчипсоу**, имеющее до 900 дворов. Больших аулов в нем нет, местность вся гористая и трудно доступная.

Жители Ахчипсоу славятся разбоями; они известны у кабардинцев и убых под именем **медазюй**, из чего русские сделали **медовой**. У них главная фамилия князя Маршани. Сия фамилия многочисленна и живет между джигетами, псхувцами, цебельдинцами и в Абхазии. Во всех этих странах князя Маршани живут в верховьях рек, в местах мало доступных. Ахчипсоу считается местом их общего происхождения, но первоначально князя Маршани вышли туда с северной покатости Кавказа, где были подданными князей Биаслан (Бесленей? Бесл-бей?). И теперь еще осталось там несколько князей Маршани. В этой фамилии в особенности уважаемы семейства: Кызлаа и Багырхана. В первом — старший Джамлат, во втором — Дарыкуа.

Между всеми вышесказанными обществами, живущими по долине Мдзымты, прежде часто была вражда; они часто нападали друг на друга и делали разбой. В 1837 году, когда заняли Адлер, убыхи и джигеты соединились взаимною присягою и с тех пор всякая вражда прекратилась. Присяга эта возобновляется ежегодно, и при этом берут штрафы с тех, которые имели тайное сношение с русскими. Они часто ездят друг к другу, а иногда выходцы из одного общества селятся на земле другого. Все они имеют связи родственные и дружеские со своими западными соседями, черкесами. Связи жителей Ахчипсоу с убыхами тесные, нежели у других. Из сей деревни идет конная тропа в землю Псху, через перевал **Пыв**: она довольно удобна и служит единственным сообщением джигетов с псхувцами.

Против вершины реки Мдзымты, на два дня езды от Ахчипсоу, есть перевал через Кавказский хребет. По нем ездят редко и то летом. В июне и в августе месяцах на перевале мало снегу; зимою же его бывает так много, что переезд делается невозможным. Тропа, ведущая че-

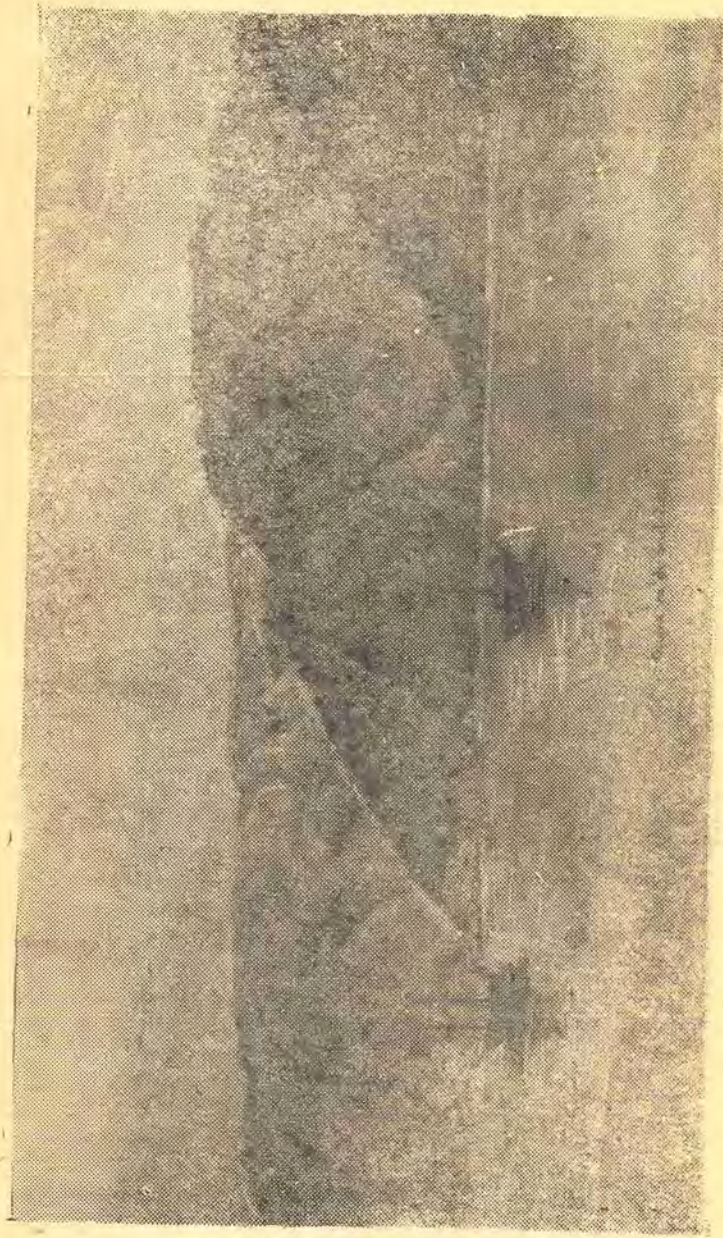
рез перевал не имеет особенных неудобств для привычных лошадей. Она выходит на той стороне хребта к верховьям реки Лабы (по-абхазски Ерых).

В земле джигетов нет другого перевала через становой хребет, а если где-нибудь и есть возможность перейти летом, то не иначе как пешком и с большим трудом. Река Псоу выходит из Главного снегового хребта недалеко от границ земли Псоу, от которой отделяется отраслью снегового хребта. Долина ее имеет те же свойства, как и долина Мдзымта, но она более населена. На низовьях сей долины и ее притоков живет фамилия князей Гечь-бей (Гечаа). Прежде эта фамилия была очень сильна; в настоящее же время в ней нет людей особенно замечательных. Старшие в сем роде суть Антуха, Аслан-бей, Эдир-бей и Гасан. Первые два родные братья и имеют более других влияние на свое семейство и на окрестных жителей. Они имеют желание покориться и часто приезжают в наши укрепления и к владельцу Абхазии. В настоящее время фамилия Аред-бей сильнее Гечь-беев. Аслан-бей и Мисоуст живут в деревне Патухурха, на час езды от моря, между реками Псоу и Мдзымта. Доступ к ней свободен, если только перейти через которую-нибудь из двух вышеупомянутых рек.

Главные деревни на р. Псоу, принадлежащие Гечь-бейам, суть: Багрипш и Микельрипш. Первая из них в 3-х часах езды от моря и имеет более 100 дворов. Там живет дворянская фамилия **Кинца**, имеющая тоже некоторое влияние в краю. Микельрипш ближе к морю и южнее Багрипша. Эта деревня принадлежит дворянам Микель и зависит от Гечь-беев.

На день езды от Багрипша живет общество Аибха⁷. Оно имеет дворов 250 или более, которые рассеяны по р. Псоу и по верховьям р. Хошупсе. Больших аулов здесь нет. Главная фамилия, от которой зависит Аибха, есть князя Маршани. Сверх того там есть две почетные дворянские фамилии: Оздан и Шхаца. Аибха находится на местности едва доступной, и славится разбоями. Конная тропа из Багрипша в Аибха идет не по долине Псоу, а по горам. С другой стороны, из Аибха идет конная же тропа в деревню Хышха⁸, на р. Хохупсе. Сия последняя тропа лучшей первой.

От реки Мехадыр начинается урочище Цандрипш, т. е. владение князей Цанбей⁹, и простирается до реки

Жуадзех, при устьи которой лежит укрепление Гагры, построенное в 1830-м году. Из сего видно, что Цандрипш занимает все пространство, на котором отрасль станового хребта, разделяющая долины рек Псоу и Бзыб, доходит до моря и оканчивается там высокими лесистыми горами. Местность Цандрипш более гориста, нежели все остальное джигетское поморье. Больших рек здесь нет. Главная река есть **Хошупсе**, выходящая из вышеупомянутой отрасли. Она везде переходила вброд... Русло прилегает к левому высокому берегу; с правой же стороны версты на три образуется низменное поморье, покрытое густым строевым лесом.

В 150-ти шагах от моря между правым берегом Хошупсе и устьем горного ручья Мехадыр, отстоящим от Хошупсе на полверсты находятся развалины древнего монастыря, обнесенного каменною стеною. Свод храма во многих местах легко можно поправить. Самый храм был менее Пицундского; ограда же довольно обширна. Далее к вершинам Хошупсе суживается и течет между высокими, покрытыми лиственным лесом горами. По долине идет конная тропинка от морского берега во внутренность Цандрипша, но часа на три езды от моря она уже поднимается на горы и идет по хребту; по дну же долины хотя и есть тропы, но они весьма неудобны.

Река Хошупсе разделяет главную отрасль станового хребта на две неравные части: та, которая служит разделением вод Псоу и Хошупсе ниже другой, не доходит до моря и вообще более доступна. Другая же часть отрасли, которая разделяет воды Хошупсе от вод Бзыба, доходит до моря высокими скалистыми горами, через которые поперек хребта тропинок немного и из них мало удобных.

На пространстве между устьями Хошупсе и Бзыб впадают следующие реки, берущие начало из сего хребта: Багрица, Чугурханеха, Жуадзех и Гагрипш. Две первые не имеют более 3-х верст течения; две последние выходят из главной отрасли гораздо далее (особливо Жуадзех) и в таких местах, где гребень сей отрасли большую часть года покрыт снегом. Обе они текут в весьма глубоких и крупных ущельях, покрытых густым лесом. Вода в сих двух реках несколько увеличивается во время таяния снега в июне и июле месяцах; осенью же река

Жуадзех совсем не доходит до моря, а в Гагрипше бывает весьма мало воды.

Прибрежное пространство Цандрипша верст на пять от моря не обитаемо. За сею лесистою полосой, состоящею из приморских ущелий и высоких гор, находится все народонаселение Цандрипша, принадлежащее сильнейшей джигетской фамилии князей Цанбей. Аулы разбросаны по долине реки Хошупсе и впадающих в нее ручьев. Из сих аулов нет ни одного довольно большого: гористая местность заставила селиться почти по одиночке. Но народонаселение Цандрипша так велико, что князя Цанбей сильнее Течбеев¹⁰ и Аредбеев¹¹ вместе. Этой фамилии есть дворов до 60-ти; старшие в роде: Джомлат, Падирша, Биаслан и Аждадли. Первые два родные братья, имеют лет около 55-ти и пользуются главным влиянием. Князя Цанбей имеют тесные связи в Абхазии: племянник Падирша, Омар, зять майора Кази Маргани, приезжал с ведома дяди своего в Абхазию для переговоров с начальником береговой линии. Сверх того, он часто бывает в укреплении Св. Духа¹². Падирша и некоторые другие из фамилии Цанбей желают покориться России, но не осмеливаются сделать этого, как и все другие приморские джигеты из опасения черкесов и своих соплеменников, живущих далее в горах.

Самая большая деревня в Цандрипше есть Бегева на реке Хошупсе в четырех верстах от моря, она имеет до 50 дворов. В ней живет князь Лаз Цанбей.

Жители Цандрипша имеют сношения с псхувцами. Иногда они бывают в союзе, иногда во вражде; но редко те и другие делают набеги. Впрочем народ Псху малочисленнее жителей Цандрипша.

К северу от Цандрипша на реке Хошупсе лежит деревня Хышха. Она имеет дворов до 100 и принадлежит князьям Анчабадзе (настоящее их имя есть князь Ачаа; в единственном числе Ачба, из чего грузины переделали Анчабадзе). К селению Хышха доступ труден. Выше сказано о сообщении одного с обществом Аибха, с другой стороны, из деревни Хышха идет конная тропа в Абхазию. Она поднимается на хребет главной отрасли и идет до горы Ачиглыр, из которой вытекают река Жуадзех и Гагрипш. Здесь тропа разделяется на две: одна спускается с хребта и выходит на Бзыбь в урочище Дзыхча, противу абхазской деревни Джипхун, а другая идет да-

лее по хребту и потом спускается также в долину Бзыба к развалинам каменного моста. Спуск в урочище Дзыхча довольно удобен, хотя лошадей с малыми выюками надобно весть в поводу, придерживая выюки; остальная же часть тропы удобна для конных, но местами есть довольно крутые спуски и подъемы, по которым надобно вести лошадь в поводу. Спуск по второй тропе к развалинам каменного моста весьма труден; зимою же этой тропой нельзя ехать по причине глубоких снегов на хребте.

До занятия Гагр лучшее сообщение джигетов с Абхазиею было по морскому прибою. Эта полоса наносного камня имеет средним числом до 10-ти сажень ширины, но во многих местах она преграждается обломками скал: эти места объезжают вброд морем. В тихую погоду, когда нет прибоя, проезд по морскому берегу удобен, но при частных и сильных ветрах с моря вода поднимается почти на сажень и тогда проезд по берегу совершенно невозможен. Со стороны Абхазии по приморской дороге едут только до р. Хошупсе; переехав через сию реку вброд против развалин монастыря, поворачивают вправо по удобной тропинке, которая ведет через низменное взморье внутрь края.

С приморской дороги поворачивает против устья реки Чугурханеха тропа, ведущая в Цандрипш. Подъем на приморские горы труден.

При занятии Гагр имели в виду преградить горцам приморскую дорогу, полагая, что это есть единственное их сообщение с Абхазиею. Из вышесказанного видно, что эта цель могла быть достигнута. Но укрепление Гагры не преграждает даже и приморской дороги. Оно построено на месте развалин древнего монастыря при устье реки Жуадзех, на самом морском прибое. Высокие крутые покрытые густым лесом горы возвышаются над самым укреплением на близкий ружейный выстрел. Сильный морской прибой ежегодно разрушает деревянный забор, составляющий фас укрепления со стороны моря. Все укрепление в несчастном положении. Оно имеет три роты гарнизона, тогда как для этого было бы достаточно одной; но из крепости не видно далее, чем на 150 шагов по ущелью Жуадзех, а окружающие горы командуют на пистолетный выстрел. По необходимости

увеличили гарнизон, чтобы сколько-нибудь усилить защиту укрепления.

В 1835-м году горцам верно наскучило стрелять с горы в укрепление и бросать туда камни, они толпою бросились из ущелья и ворвались в укрепление. Эта попытка обошлась им дорого, гарнизон прогнал их с большою потерей.

Конечно, укрепление Гагры очень мешает горцам, но они разработали тропинку, которая поднимается на горы между реками Гагрипш и Жуадзех, переходит через ущелье сей последней в 1½ верстах от Гагр. Тропинка эта трудна, но горцы проводят по ней лошадей в поводу в виде укрепления. В некоторых местах эта тропинка проходит ближе пушечного выстрела от укрепления, но по проезжающим стрелять нельзя, потому, что для этого нужно бы возвышать орудие градусов на 40.

Из всего видно, что три роты без всякой пользы **погребены** в укрепление Гагры. Впрочем это произошло от ошибочного выбора места и от того, что хотели воспользоваться развалинами древнего монастыря при устье р. Жуадзех. Если бы укрепление построено было при устье реки Гагрипш, то оно гораздо лучше выполнило бы свое назначение, т. е. преградило бы приморскую дорогу. Сделать обходную тропу через ущелье Гагрипш, говорят невозможно, разве ближе пушечного выстрела от того места, где будет укрепление; и потому нельзя миновать сие последнее иначе как обогнув вершины Гагрипша и Жуадзех, т. е. идти по вышеописанной тропе через гору Ачиглыр. Этот обход имел бы по крайней мере полторы дня езды. Сверх того гарнизон укрепления на Гагрипше не был бы там в таком несчастном положении, как в Гаграх. Довольно обширная приморская равнина и все удобства для укрепления позволили бы занять оное одною ротою вместо трех. Расстояние от укрепления Св. Духа до Гагрипша, 16-ть миль. Оно слишком велико для сообщения на вооруженных ладах.

По недостатку сих последних во всей Абхазии есть теперь одна только лада. Поэтому неудивительно, что пространство между укреплением Св. Духа и Гаграми остается почти без наблюдения. И теперь контрабандисты часто имеют пристанище в устье реки Хошупсе, откуда снабжают всех джигетов. Необходимо построить

в сем пункте укрепление, причем можно воспользоваться развалинами монастыря. На этом месте есть все удобства для укрепления. Оно будет находиться при оконечности главной отрасли станového хребта и при входе в Цандрипш.

По свойству местности, укрепление сие не преградит приморской дороги: горцы легко могут устроить обходную тропу. Но оно может доставить выгоды более значительные. Из описания земли джигетов видно, что самое сильное приморское общество есть Цандрипш. В семействе Цанбеев есть люди, желающие сближения с русскими, но они теперь отделены укреплением и потому не решаются, говоря обыкновенно, что боятся черкес.

Укрепление на Хошупсе, находясь при входе в Цандрипш, заставило бы их решиться, а в случае их покорности, оно могло бы отчасти служить им опорой против соседей. Пример Цанбеев увлечет неминуемо Аред-беев и Геч-беев; наоборот же этого быть не может.

Вместе с успокоением сих укреплений на Гагрипше и на Хошупсе, можно уничтожить старое укрепление Гагры.

[Приписка]

Если укрепление на Хошупсе будет построено для одной роты гарнизона, то есть трех гагринских, останется еще одна рота в резерве.

ЗИМНИЕ ПОХОДЫ УБУХОВ НА АБХАЗИЮ

Ежегодно походы убыхов в Абхазию заслуживают особенного внимания по многим обстоятельствам, и в особенности по необыкновенным затруднениям, с какими они совершаются. Земля, населенная убыхским племенем, мало способная к разведению хлебопашества, может, однако же, обеспечить продовольствием населяющее ее в настоящее время племя; но убыхи делают набеги на соседние племена и на Абхазию не вследствие недостатка средств к существованию, а из неугомонной страсти к приключениям и грабежу.

До 1824 года они делали набеги на Абхазию в каждое время года. В 1825 году партия убыхов, состоящая

более чем из 1 000 человек, под предводительством Саткерей Адагва-ипа Берзека, предприняв поход в Абхазию в летнее время, при спуске на абхазские равнины была замечена в горах пастухами. Предупрежденные абхазцы приняли меры предосторожности, дали время партии спуститься с гор, заняли все горные проходы, через которые враги могли сделать отступление, и уничтожили всю партию. Предводитель ее пал жертвою своего удалства. С тех пор убыхи делают на Абхазию набеги только в зимнее время, и постоянно делают их в следующем порядке.

Перед выступлением партии избирают предводителя. В это звание может попасть только человек, известный уже своею храбростью. Происхождение тут не имеет никакого влияния. Избираемый должен быть человеком обстрелянным, который находился уже в нескольких походах простым воином, после начальником небольших партий, от 10 до 30 человек, и оказал примеры мужества и распорядительности. Кроме того, требуется от предводителя, чтобы он был крепкого телосложения, мог переносить холод и голод, и чтобы во всем служил примером для партии. Избранный пользуется во время похода безусловным повиновением, и каждый воин, без различия происхождения, переносит от него терпеливо брань и даже побои; за что в другое время тот же предводитель заплатил бы своею жизнью. Таковое безусловное повиновение убухов избранному вождю тем более замечательно, что они по настоящее время не признают у себя никаких властей.

Новый предводитель назначает место для сбора. Выбирается обыкновенно какое-либо необитаемое ущелье, отстоящее не более как на один переход от последней деревни, лежащей по пути к той стране, куда намерена направиться партия. Сбор продолжается около двух недель. От похода никто не отказывается, исключая стариков и малолетних; партия должна заключать в себе от 800 до 3 000 человек.

Желающие участвовать в походе должны иметь с собою необходимую одежду и съестные припасы. Одежда каждого воина должна состоять из бурки, башлыка и полушубка, двух или трех пар обуви из сыромятной воловьей кожи, двух или трех пар теплых носков, сшитых из войлока или горского сукна. Провизия состоит из сле-

дующих припасов: пшено (гомия), копченое мясо, сыр, масло, перец, соль и тесто, вареное на меду. Такого рода провизии каждый человек может нести на себе месячную пропорцию и более. Кроме оружия, каждый воин должен иметь с собою пару лыж. Для перевозки провизии и прочих тяжестей не берут ни лошадей, ни вьючного скота, а все, что необходимо в походе, каждый воин несет на себе. От этого никто не освобождается, какого бы он знатного происхождения ни был. Один только предводитель не несет на себе провизии, потому что во время похода он по обстоятельствам должен перебегать от одного фланга партии к другому.

Когда кончится для сбора назначенный срок, то предводитель собирает воинов своей деревни или околотка и отправляется на сборное место. По получении о том известия, туда спешат и все приготовившиеся к походу. Тут каждая деревня составляет отдельную часть. У всех прибывших предводитель делает смотр провизии и платья. Горе тому, кто осмелился прибыть без определенного количества провизии или одежды: его самым постыдным образом изгоняют из отряда.

Когда соберутся все, то предводитель поверяет число партии. Это делается двумя способами. Предводитель приказывает стать двум человекам друг против друга, взять палку одному за один конец, а другому за другой и приподнять ее выше головы. Сам становится в стороне и приказывает всей партии проходить между этими двумя людьми; по мере того, как воины проходят, он их считает. Эта проверка называется подпалочною. Другой способ проверки состоит в том, что предводитель приказывает прислать себе от каждой партии столько камушков, или зерен кукурузы, сколько в части находится воинов, и, сосчитав камушки или зерна, определяет число людей, поступивших под его начальство.

В собранной партии воины каждой деревни или околотка составляют особое отделение, которое называется отдельным огнем по имени деревни или околотка. В таком отделении бывает от 10 до 100 человек, и оно имеет своего старшину или начальника, который делает наряды и ведет очередь кому из воинов следует идти на стражу, на работу и т. п. В важных случаях он ходит к предводителю для совещания и за приказаниями, в обыкновенное же время посылает за приказанием каж-

дый день поутру и к вечеру расторопных воинов. В каждом отделении назначаются кашевары и дровосеки. На обязанности их лежит приготовление пищи для отделения, и во время похода они несут на себе котлы, в которых варится пища; дровосеки обязаны на ночлегах и дневках заготавливать дрова, строить шалаши, расчищать под них места, занесенные снегом, а также расчищать по дороге встречающиеся снежные обвалы и другие препятствия; для этого они должны иметь топоры и лопаты. Впрочем, при экстренных случаях, как, например, когда встретится надобность навести мост, расчистить дорогу и т. п., то работают все без исключения. Собственной прислуги иметь никому не позволено, но свойственное горцам уважение к людям пожилых лет заставляет молодых прислуживать старикам, хотя бы те были гораздо ниже их происхождением.

Каждый воин имеет собственную провизию, но все до одного едят вместе, и для того кашевары принимают ежедневно по равной части провизию от каждого для приготовления пищи. Пища состоит: из крутой каши, приготовленной из пшена, называемой части или абыста, из супа с мясом и пшеном, приправленного стручковым перцем. Суп этот есть самая необходимая пища для убыхов в зимних походах, она заменяет им водку, согревает и укрепляет их.

Расходовать провизию без ведома целого отделения строго воспрещается. Если кто-либо по неопытности или невольности израсходует что-либо скрыто, то за это подвергается большому стыду и это считается предзнаменованием неудачи или какого-либо несчастья.

После проверки и осмотра партии предводитель назначает авангард и арьергард и на другой же день убыхы выступают в поход. Со сборного места поднимаются к северо-востоку к снеговым горам, и, дойдя до самого хребта, следуют по нему до того места, с которого можно уже спуститься на абхазские равнины.

В походе вся партия движется одна пара за другою. Переходить из назначенного места каждому строго воспрещается. Пока партия еще находится в своих пределах и не опасается внезапного нападения, то авангард и арьергард не отделяются от главной силы. Со вступлением же в места опасные, авангард и арьергард отходят от партии на полверсты и более, смотря по местно-

сти. Авангард высылает еще от себя вперед трех или четырех человек, хорошо знающих местность. Люди эти, отойдя на некоторое расстояние, расходятся по обе стороны дороги, по которой должна следовать партия, осматривают овраги и леса и обо всем, что заметят, дают знать авангарду, а тот со своей стороны, ежели сочтет нужным, уведомляет предводителя. Впрочем, ежели предвидится опасность, то предводитель всегда сам следует в авангарде.

Походы убыхов совершаются обыкновенно в январе или феврале месяцах. В это время ущелия в горах занесены снегом, по затвердевшей поверхности которого партия проходит без всякой опасности. Если же сделается оттепель или упадет свежий снег так обильно, что трудно по нем пройти, то пять или шесть рядов с первого фланга надевают лыжи, которых пару должен иметь каждый воин, идут вперед, протаптывают тропу и по ней движется вся партия.

Хотя партия следует по снежной и безлесной цепи гор, но ночлеги распределяют всегда в таких местах, где есть лес или кустарник, чтобы иметь огонь для варки пищи и для просушки промокшей во время дня обуви. Места для ночлегов определяются еще до выступления партии в поход. По прибытии на место ночлега, если не предвидится опасности, все снимают с себя лишние тяжести и приступают к устройству шалашей, заготовлению дров, расчистке места и разведению огня. Шалаши устраивают всегда в виде четырехугольника, наподобие нашего каре, и наружную их сторону оставляют открытою, чтобы в случае тревоги можно было без замешательства стать в ружья.

Ежели убыхы находятся в пределах враждебного им племени, или ежели по каким бы то ни было причинам нужно принять воинскую предосторожность, то версты за три или четыре до места ночлега они останавливаются и посылают из авангарда трех или четырех человек для осмотра местности, и когда посланные доставят сведения, что не имеется никакой опасности и следов неприятеля, то партия идет к месту, назначенному на ночлег. Авангард разделяется на несколько пикетов и занимает все места, через которые мог бы пройти неприятель; партия же приступает немедленно к заготовлению всего, что нужно для ночлега, но арьергард останавли-

вается от главной силы в таком расстоянии, в каком следовал днем, и подобно авангарду располагается на всех местах, через которые можно ожидать нападения врагов. Предводитель осматривает места, занятые авангардом и арьергардом, а не сменяет их другими людьми, пока не разведут в отряде огней и не устроят всего, что нужно для ночлега; когда же все приготовления сделаны, то предводитель приступает к расчету, сколько нужно людей для ночного караула, приказывает им первоначально переменить мокрую обувь, ведет сам на пикеты и в то же время спускает авангард и арьергард из занятых ими мест. Ежели мороз небольшой, то ночные караулы остаются без смены на целую ночь, в противном же случае назначается две или три смены, но не более. Для ночлегов выбираются места неприступные, которых очень много в горах; поэтому в ночные караулы немало выходит людей. С рассветом партия снова выступает в поход.

Ежели погода благоприятствует, то партия никогда не делает дневков. Благоприятною же погодою считаются ясные бестуманные дни и крепкие морозы. Были примеры, что партия, застигнутая в половине дня метелью, не в состоянии будучи следовать вперед, ни возвратиться к прежнему ночлегу, должна была оставаться на месте и терять много людей от стужи. Поэтому если до выступления из ночлега заметят признаки непогоды, то остаются на месте несколько дней, иногда и несколько недель. Такая медлительность в походе служит в их пользу: поэтому это абхазцы, хотя бывают всегда предупреждены о походе убыхов, но утомившись долгим их ожиданием, полагают, что партия от непогоды возвратилась обратно, или взяла другое направление, пренебрегают осторожностью и оставляют входы в свой край без надлежащих караулов.

Когда партия пройдет часть снежных абхазских гор и дойдет до места, где предполагает спуститься на абхазские равнины, то поворачивает направо к юго-востоку и, дойдя до самого перевала, где начинается лес, выбирает хорошую позицию в расстоянии одного усиленного перехода от места, на которое хочет сделать нападение, и располагается на ночлег. Ежели партия прибывает к месту перед вечером, то не располагается ночевать, а отдохнув немного и поужинав, следует далее;

если же прибывает так поздно, что не в состоянии будет после отдыха прибыть на рассвете к селению, обреченному на грабеж, то останавливается ночевать и на другой уже день вечером выступает далее. Таковой порядок соблюдается потому, что убыхи делают нападения только в ночное время, за полчаса до рассвета.

Перед самым нападением предводитель делает расчет: всю партию делит на три части, первые две, в которые назначает самых отборных и опытных воинов, — для нападения, в остальную часть отделяет людей старых, молодых и неопытных кашеваров и дровосеков, и из них составляет резерв, который подчиняет одному воину и оставляет его на месте со всеми лишними тяжестями. Первые две части, назначенные для нападения, делит еще на три части, одну назначает в авангард, вторую для грабежа, а третью в арьергард. Тогда убыхи выступают и стараются прибыть на грабеж за полчаса до рассвета.

Если же жители Абхазии предупреждены о нападении, то зовут соседей из ближайших деревень к себе на помощь, и когда собирается значительное число вооруженных, половина из них располагается скрытно в тех местах, по которым должны пройти убыхи, остальные же в ожидании неприятеля помещаются в деревне, из которой выводят заблаговременно женщин, детей и стариков со всем домашним скарбом и прячут в безопасное место.

Партия хищников, двигаясь к предназначенной для грабежа деревне, выбирает обыкновенно самый тесный проход, через который караульные абхазцы пропускают ее свободно, не давая ни малейшего признака о своей там засаде. Когда же убыхи, подойдя к деревне, встретят там приготовленный отпор и убедятся, что абхазцы уже проводили о них, то поворачивают назад и попадают между двух огней. Таким образом партия бывает иногда разбита наголову.

Не лишним нахожу сказать здесь несколько слов о боевых качествах абхазцев и убыхов. Убыхи хорошо действуют массами в открытом поле, и в этом отношении имеют преимущество над абхазцами: абхазцы же между горскими племенами считаются отличными стрелками, дерутся очень хорошо враспынную, пользуясь с особой смелостью местоположением, и в местах лесистых, пере-

резанных оврагами, всегда одерживают верх над убь-
хами.

Ежели абхазцы не проводили о прибытии партии, то она свободно спускается с гор, быстро подходит к деревне рядами в две шеренги, имея впереди авангард, в середине грабителей, а сзади арьергард. Подойдя к деревне, авангард расходится направо и налево, обходит беглым шагом деревню и останавливается, составив около деревни густую цепь. В то же время часть, назначенная для грабежа, разделяется на партии по четыре и более человека, бросается на дома и, захватив жителей врасплох, вяжет их, а в случае сопротивления, убивает и забирает все, что попадает под руку.

Убыхи на месте грабежа остаются не более половины или трех четвертей часа. По данному предводителем сигналу грабители оставляют деревню, с пленными и всем, что успели захватить, арьергард, отступая, образует сплошную массу и составляет уже авангард, а часть его рассыпается по сторонам партии и прикрывает добычу. Бывший при нападении авангард теперь превращается в арьергард и удерживает натиск абхазцев, которые собираются наскоро при диком шуме грабежа. Но в такое короткое время абхазцы не могут собраться в значительном количестве, и убыхи, отстреливаясь, отступают в порядке к своему резерву. Абхазцы в таких случаях, зная, что убыхи не остаются долго на грабеже, торопясь как можно скорее на помощь своим соотечественникам, не успевают даже надеть теплой обуви, и потому могут преследовать партию до снежных гор, откуда возвращаются назад, подбирая по дороге раненых своих и неприятельских.

Когда убыхи увидят себя свободными от преследования абхазцев и дойдут до безопасного места, то предводитель их останавливает партию для кратковременного отдыха и заботится о снабжении пленников необходимою одеждою, потому что захваченные врасплох, во время сна, они бывают часто одеты более нежели легко. Каждый из убыхов дает им что-нибудь из своей одежды. Вообще они с пленными своими обращаются очень человеколюбиво. Были примеры, что партия на обратном следовании, застигнутая вьюгою и метелью, останавливалась по несколько времени на одном месте, многие от-

мораживали себе ноги, но одежду, выданную пленным, назад не отбирали.

По прибытии на место ночлега партия занимает свои шалаши. Женщин отделяют особо, поручают надзору одного добросовестного старого воина и назначают ему в помощь караул. Таковой порядок охранения пленниц продолжается на всех ночлегах во время следования партии обратно. Лекарь осматривает раненых и дает им возможное пособие, а предводитель назначает людей к носилкам раненых и убитых. От этой обязанности никто не увиливает, считает для себя священным долгом. На другой день партия выступает в таком же порядке, как следовала в Абхазию, и на ночлеги останавливается в тех местах, на которых останавливалась при движении на грабеж.

По прибытии на первое сборное место всех пленников и добычу оставляют в отдельном месте. Из среды партии выходит старый седой воин и произносит краткую молитву следующего содержания: «Боже великий, благодарим тебя за дарованную нам победу и за хорошую добычу, и вперед просим твоего покровительства» и т. п. По окончании этой молитвы приступают к разделу добычи, и совершившему молитву выдается из добычи одна из лучших вещей. Предводитель, по обычному своему праву, выбирает для себя одного пленного или пленницу и из всех награбленных предметов по одной вещи. Остальная же часть добычи, за исключением людей, делится по равной части между участвовавшими в походе, исключая, однако, кашеваров и дровосеков. На каждого убитого и взятого в плен назначают добычу вдвое более против прочих, в пользу родственников. Лишняя часть добычи полагается на поминки по убитым, а для взятых в плен — на их выкуп. Обыкновенно пленных абхазцев никогда не бывает столько, чтобы они могли быть разделены поровну между участвовавшими в походе, поэтому для раздела их делят партию на столько частей, сколько имеется пленников, и каждая часть получает по одному абхазцу. Впоследствии пленников продают, а выручку за них делят между собою.

По окончании раздела добычи партия выступает из сборного места и расходится по домам. Подходя к своим деревням, они поют победные песни, стреляют из ружей и пистолетов и дают знать своим родным и знакомым

о благополучном окончании похода. Об убитых и взятых в плен извещают родственников следующим оригинальным образом: один из участвовавших в походе приближается к сакле убитого, или взятого в плен, становится на возвышенном месте, вызывает одного из семейства и спрашивает: возвратился ли из похода такой-то? Это значит, что названный воин не возвратился, что не возвратится он никогда, что в чужой земле посмеются надругаются над его телом враги... И тогда в семействе убыха начинаются плач и громкие рыдания, словно на похоронах.

ОБРЯД ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯ СВЯТОМУ ПОБЕДОНОСЦУ ГЕОРГИЮ, СОВЕРШАЕМЫЙ ЕЖЕГОДНО В АБХАЗИИ

У каждого абхазца есть в стаде лучшая корова, у которой кончик правого уха отрезан. Корова эта назначена для жертвоприношения св. Георгию. Из числа кувшинов, зарытых в сарае абхазского хозяина, самый большой предназначен также в честь этого святого. Кувшин этот ежегодно, при сборе винограда, наполняется чистым красным виноградным соком и над ним совершается жертвоприношение.

Если посвященная корова отелилась бычком, то бычок после откормления идет на жертву; если же отелилась телушкой, то вместо нее откармливают для жертвоприношения барашка. В том и другом случае обряд жертвоприношения совершается следующим образом: назначенное на жертву животное приводят к крыльцу дома, куда выходят все члены семейства и становятся на колени лицом к востоку, сложив руки на груди и благоговейно соблюдая глубокое молчание; мужчины снимают шапки.

Старший в семействе, взяв жертву за уши, произносит следующую молитву: «Святой великий Георгий Илорский (в селении Илори находится древняя церковь во имя св. Георгия), приношу тебе определенную моими предками жертву; не оставь меня и мое семейство своим покровительством, дай нам здоровья и долголетия, удали от нас всякие недуги в настоящее и будущее время».

сохрани нас от злых духов и от дурных глаз; не оставь также своим покровительством отсутствующих наших родных и друзей и всех тех, которых мы любим!» Все члены семейства отвечают «аминь», встают и, поворачившись направо, кланяются к востоку, не делая, однако же, крестного знамени, хотя бы они были крещенные. После того, зарезав жертву, варят мясо; кроме того, пекут пирог из пшеничной муки, начиненный сыром, и делают небольшую восковую свечу. Потом читавший молитву мужчина отправляется в сарай и открывает посвященный кувшин.

Когда мясо жертвы сварилось и пирог спечен, несут их в сарай, ставят около заветного кувшина и приносят свечу, ладан и горячих угольев. Все семейство становится на колени, лицом к востоку так, чтобы кувшин находился перед ними. Старший в доме, зажегши свечу, прилепляет ее к горлу кувшина, кладет немного ладана на уголья и, когда он задымится, повторяет ту же молитву, которую читал перед закланием жертвы. Члены семейства отвечают «аминь».

По окончании молитвы распорядитель обряда отрывает от сердца, печенки и пирога по кусочку и, обмочив в вино, сжигает их на угольях; потом отрывает от тех же частей столько кусков, сколько членов семейства присутствует при этом обряде и дает каждому съесть их и запить вином с кувшина. По исполнении этого все встают и кланяются на восток. После того выходят из сарая, выносят мясо жертвы и пирог, садятся за стол и пируют с полным упованием на покровительство святого, приглашая на пир своих соседей, если у тех не было в этот день подобного жертвоприношения.

Обряд этот исполняется всеми природными абхазцами без различия вероисповедания. Назначенного дня для этого обряда не имеется, а преимущественно совершают его на первый день пасхи поутру; т. е. крещенные после обедни, а магометане и язычники — поутру рано.

Кто не мог исполнить в этот день по каким-нибудь обстоятельствам жертвоприношения, тот исполняет оное в один из воскресных дней в течение лета, только не в пост.

Вновь переселяющиеся в Абхазию из других племен не исполняют этого обряда жертвоприношения до первого случая. Случаи эти бывают следующие: если кто

присягал ложно перед святым победоносцем, тогда при первой болезни он сознается в своем преступлении и родственники больного приглашают того, которому больной своей ложной присягой сделал зло, и удовлетворяют его вполне. Вместе с сим приглашают церковного старосту, приводившего к присяге больного, и приводят к крыльцу дома тучную корову, больного же выносят на крыльцо и сажают на скамью. Церковный староста, предварительно спросив: «Доволен ли абхазец удовлетворением и прощает ли он больному его проступок», и получив удовлетворительный ответ, берет за веревку, которая надела на шее коровы, и произносит следующую молитву: «Св. Георгий Илорский! Прости этому больному его проступок, который он сделал неумышленно, по своей неопытности, и даруй ему здоровье. Вперед он и его семейство будут приносить тебе ежегодно определенную жертву». За сим корову обводят кругом больного и, отрезав кончик правого уха, привязывает к правой его руке, который носит этот кусочек уха до совершенного выздоровления. Корову же пускают в стадо, а семейство это ежегодно совершает жертвоприношение наравне с природными абхазцами. Сверх того, при возвращении абхазцев с какого-нибудь похода с победою один из стариков, участвовавших в походе, сняв шапку, произносит следующую краткую молитву: «А, Ерги*, о, Георгий, путеводитель воинов, покровитель мужества и храбрости! Благодарим тебя за дарованную тобою нам победу над неприятелем, просим и на будущее время не оставить нас своим покровительством». Присутствующие отвечают «аминь». Если партия возвратилась с добычею, то при разделении оной дается лишняя часть читавшему молитву.

ПОЦЕЛУЙ ЗА ЗАНАВЕСОМ

Взглянув на заглавие этой статейки, читатель может подумать, что я хочу рассказать о какой-нибудь закулисной интриге; чтобы не заставить его обмануться, я должен поскорее объяснить, что дело идет о свадебном обычае абхазцев.

Как у всех кавказских горцев, у абхазцев обычай или скромность не позволяют молодым людям говорить родителям, родственникам о своей женитьбе или невесте, скромность же не позволяет самому искать невесту и объясняться с ней. Поэтому ближайшая родня молодого человека спрашивает предварительно через ровесника его: не пора ли ему жениться? И получив от него согласие, старается приискать невесту; если невеста одной деревни с молодым человеком, то, встречаясь с нею на народных праздниках или свадьбах, он знает ее хорошо и объявляет родителям через своего приятеля, нравится ли ему девушка; если же она из другой деревни, тогда он отправляется в ту деревню и старается явиться в дом девушки под вечер, под видом запоздалого гостя, которого хозяева по принятому здесь гостеприимству принимают, не спрашивая, кто он, откуда, куда и зачем. Молодые абхазки занимают у родителей место прислуги, и потому желающий жениться легко может видеть избранную родителями красавицу.

Если она понравится ему, то родственники с обеих сторон делают сговор, у бедной же девушки не считают нужным спросить ее согласия. Уж таков обычай. Назначив день первого свидания, родственники снаряжают жениха со свитою и снабжают приличными подарками для невесты и для родственников; жених же выбирает одного из своих ровесников в дружки и отправляется в дом невесты.

Пока жених едет по дороге, мы кинем взор на жилище абхазца-хозяина. Обыкновенные жилища здешних абхазцев состоят из двух строений; из большого и малого; большое строение бывает длиною от 3 до 4, шириною от 2 до 3 сажений, с открытым крыльцом; дверей двое, одни с крыльца называются верхними, а другие нижние в зданей стене. Строение это бывает иногда досчатое, а иногда плетневое, вымазанное, покрытое соломою или дранью. Внутри с одной стороны делаются во всю стену или наполовину оной нары, а с другой стороны длинная скамья. Кругом в рост человека от земли вбиты небольшие колышки для развешивания оружия, седел, бурок и башлыков; посредине раскладывается огонь и над огнем аршина на три или четыре вверх досчатый потолок, чтобы искры не могли зажечь крыши; дом этот называется асасайра (гостиная); другое строе-

покамест поднят; по правую сторону жениха помещается его дружка.

Невеста же стоит между своими подругами с опущенным на лицо прозрачным покрывалом. После того дружка обращается к подругам невесты с вопросом: не пора ли познакомить молодых? Тогда одна из них берет невесту за руки и сажает с левой стороны жениха, а другая из девушек, дернув за шнурок, опускает занавес. Все присутствующие хором начинают петь свадебную песню. Под покровом занавеса жених тотчас первым движением руки отбрасывает назад у невесты покрывало и, обхватив ее стан, склоняет ее голову на сложенные тюфяки и со всею юношеской пылкостью запечатлевает страстный поцелуй на розовых губах невесты. В этом положении остаются молодые минуты полторы, потом вдруг, будто проснувшись от очаровательного сновидения, они оправляются, и невеста, проворно опустив свое покрывало, встает и, выйдя из-за занавеса, становится по-прежнему между своими подругами, вся зардевшись, вся трепещущая, словно сделала какое-нибудь преступление...

У простолюдинов, вместо занавеса, употребляется бурка, надетая женихом, который иной раз, разлакомившись первым поцелуем, повторяет его несчетное число раз, до самого рассвета.

Обычай, рассказанный нами, кроме неоспоримого удовольствия для жениха, приносит еще ту пользу, что обезоруживает злые языки, если бы свадьба не состоялась. Никто не осмелился бы тогда клеветать на девушку, имевшую свидание с женихом только при свидании чистых поцелуев под прикрытием короткого занавеса или бурки. А то позволь видаться молодым наедине — что бы ни наговорили добрые кумушки, и тогда, избави аллах, началась бы между семействами кровавая вражда, а вражда за женщин во все века, у всех народов была самою ужасною враждою!..

АБХАЗСКАЯ МИФОЛОГИЯ И РЕЛИГИОЗНЫЕ ПОВЕРЬЯ И ОБРЯДЫ МЕЖДУ ЖИТЕЛЯМИ АБХАЗИИ¹⁸

(Из заметок природного абхаза)

В Абхазии следы христианства остались только в развалинах древних церквей и монастырей. Учение Магомета затмило в этой стране луч истинной веры; но, в свою очередь, и оно не нашло ревностных последователей в народе. За исключением владетельного дома, коего члены исповедуют православную веру, весьма немногая часть народонаселения Абхазии считается христианами и очень ограниченное число жителей ее признают себя магометанами; остальные же все язычники.

Хотя христиане и магометане не имеют никакого понятия о догмах исповедуемой ими веры и исполняют только наружные обряды в искаженном виде, но у них, как и у язычников, остались христианские понятия о боге и будущей жизни. Все они вообще питают большое уважение к остаткам христианских храмов и в важных случаях принимают в них присягу. Несмотря, однако же, на эти религиозные понятия, все жители Абхазии, без различия вероисповедания, поклоняются некоторым божествам и совершают языческие обряды***.

По понятиям абхазцев, божества их созданы всевышним для покровительства людям только на земле. Они следующие:

Афы — бог и повелитель грома, молнии и всех явлений атмосферы.

Шасшу¹⁹ — бог и повелитель кузнецов и всех искусств, в которых действует молот на наковальне.

Ажвепшаа Абна-Инчваху²⁰ — бог лесов, лесных зверей и охоты.

Айтар — бог и покровитель домашнего скота и хуторов.

Джаджы²¹ — покровитель засеянных полей и всей растительности.

Все эти божества не имеют изображений. Им только делают жертвоприношения.

Афы. По топографическому положению Абхазии стада мелкого скота могут прокормиться на равнинах только в зимнее время; летом же, при наступлении жаров, их перегоняют в горы. Иначе они бы все погибли от жаров.

При подъеме стад на горы в начале лета и при спуске их оттуда осенью пастухи приносят в жертву богу Афы барана, прося, чтобы он предохранил как их, так и стада от громовых ударов. Мясо жертвы употребляют в пищу.

Во время летней засухи деревенские жители обращаются обыкновенно к помещику своему с просьбою о сделании жертвоприношения для Афы, дабы тем выпросить у него дождь²². Тогда помещик выбирает из своего стада одного или двух быков и назначает день и место для жертвоприношения. Для этого назначается обыкновенно живописное место, над водою. К обряду допускается только мужской пол. Каждый, принимающий участие в обряде, приносит с собою гомию (пшено), свежий сыр и кувшин вина. Когда все соберутся, тогда один из деревенских стариков, взяв в руку веревку, надетую на рога жертвы, снимает шапку и произносит следующую молитву: «О, повелитель грома, молнии и дождя! Сжался над нами, бедными, наши посевы засохли, трава выгорела; скот издыхает без корма, и нам самим угрожает голодная смерть. Повели скопиться дождевым тучам; повели грому загреть, молнии засверкать и пошли обильный дождь для спасения погибающего народа». По окончании молитвы, присутствующие отвечают «аминь».

После этого закалывают жертву, мясо ее варят, а из гоми готовят круглую кашу²³ с сыром, заменяющую у абхазцев хлеб. Когда сварится мясо, то раскладывают его на плетни, приготовленные вместо столов, и старик, читавший прежде молитву, повторяет ее еще раз; присутствующие располагаются в тени деревьев и пируют целый день, воспевая песню в честь Афы; об этой песне я буду говорить ниже.

Если громовым ударом будет убита скотина, то хозяин ее собирает всю деревню, без различия пола, и устривает на 4-х столбах вышку²⁴ такой вышины, чтобы на нее не могли вспрыгнуть собаки или хищные звери.

После приготовления вышки все присутствующие совершают вокруг убитой скотины пляску, напевая следующие слова; одна половина поет хором «Во-етла», а другая «Чаупар-оу», причем скотину поднимают на вышку. Там она остается на жертву хищным птицам. После совершения пляски и поднятия трупа убитой скотины хором, в знак благодарности богу за его посещение, приносят в жертву другую скотину; однако же в заключении молитвы, читаемой во время жертвоприношения, просят бога, чтобы он пощадил на будущее время как его самого, так и стада его. Из мяса жертвы готовят пищу, раздают ее собранному народу и пир на счет хозяина убитой громом скотины. продолжается целый день.

Если гром поразит человека, то и над его телом совершают подобный же обряд. Во время круговой пляски родственники убитого не должны плакать, потому что, по понятиям абхазцев, Афы поразит всех присутствующих одним ударом. Тело убитого громом человека остается на вышке в гробу до тех пор, пока не останутся от него одни кости. После этого гроб снимают с вышки и передают его с костями земле при обычном обряде погребения и совершают поминки.

Описанное суеверие до такой степени вкоренилось в Абхазии, что никто без пляски и песни не решится поднять тело убитого человека или скотины.

Царевич Вахушт пишет, что в Абхазии не хоронят покойников, а кладут их на деревья. Вероятно, описанные мною случаи подали Вахушту повод к такому мнению.

В честь этого бога абхазцы поют песню, о которой я упомянул выше, под названием Анчва рышва²⁵ (божия песня).

Ее поют во время грозы и на пирах. В первом случае полагают, что песнею упроят у громоногого бога хорошую погоду; а на пирах благодарят его за дары, которыми пользуются. В последнем случае обыкновенно один из пожилых обращается к обществу и напоминает, что «все, чем мы наслаждаемся, есть благодать господня, и что за это мы должны благодарить его».

Тогда один из пирующих начинает песню словами: «Анчва дауква злыпха ххаура»²⁶ (боже великий, милосердный). Во всех куплетах этой песни запедало произ-

носит разные хвалебные слова всевышнему создателю как-то: «О, ты, который с громом с неба спускается с молниєю на небо поднимается; которому известно дно моря и песка на дне морском» и т. п. Каждый куплет оканчивается словом «ах-дау»²⁷ (владыко, великий господин). Когда запедало пропоет куплет, то хор, разделенный на две части, повторяет поочередно тот же куплет несколько раз.

Из вышеприведенных слов видно, что песня поется в честь всевышнего, а не языческого бога. Песня имеет очень приятную гармонию, а каждый припев заканчивается варьацией.

Между абхазцами существует поверье, что гром преимущественно бьет в дубовые деревья, но в грабовом лесу никогда; и потому, ежели вблизи абхазского жилища окажется дуб, то его уничтожают с корнем; граб же нарочно разводят около жилищ. На основании этого поверья во всех абхазских строениях непременно должны быть какая-нибудь часть граба, хотя бы и не было надобности непременно в грабовом лесу.

II

Шасшу абжных²⁸ (семь святых)****. Его абхазцы воображают в семи лицах и называют семью святыми. Жертвоприношение этому богу делают ежегодно одни кузнецы и слесари.

Накануне нового года вечером кузнец режет рогатую скотину, а жена его по одному петуху на каждого члена семейства и готовит большой пирог из пшеничной муки, начиненный свежим сыром. Мясо скотины варят, петухов жарят на вертелах, а пирог пекут. Когда все это готово, то кузнец складывает весь свой инструмент в кузнице около наковальни; туда же приносят приготовленную пищу и собирает все семейство. По прибытии семейства в кузницу оно становится на колени, а кузнец сняв шапку, зажигает восковую свечу, бросает ладан на раскаленные уголья, принесенные в кузницу, и просит своего покровителя ниспослать ему и его семейству здоровье и долголетие. После этой молитвы он отрезывает по кусочку от печенки и сердца зарезанной скотины и петухов и кусочек пирога, и сжигает все это на угольях;

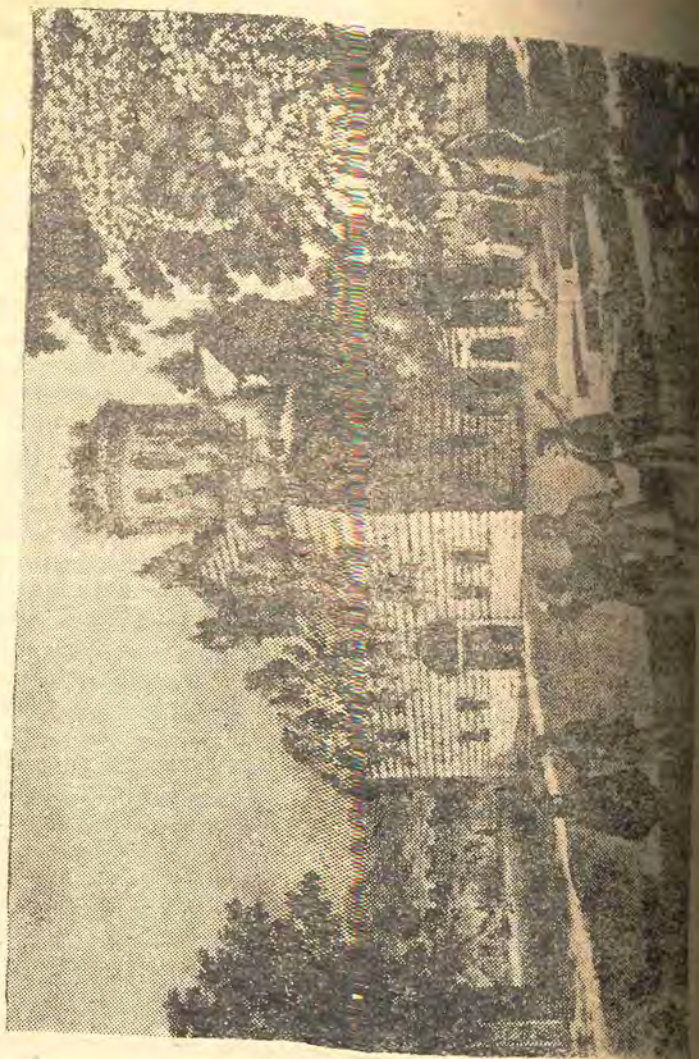
потом отрезывает от тех же частей по другому кусочку и дает каждому члену семейства, которые, съев доставленную им часть, запивают вином по три глотка. Окончив таким образом обряд, пищу выносят из кузницы в дом, куда хозяин приглашает соседей и с ними пирует всю ночь во славу Шасшу.

В маловажных делах абхазцы принимают присягу в кузницах; это делается следующим образом:

Кузнец, положив молоток на наковальню, сам становится против наковальни; тот, по чьему делу следует привести виновного к присяге, становится в стороне, присягающий же — перед наковальнею против кузнеца. Последний, взяв молоток, говорит: «Если я не скажу правду о том, о чем меня спрашивают», или «Если я виноват в том, в чем меня обвиняют, то да разобьет Шасшу Абжных голову мою молотком на наковальне», и при этих словах ударяет три раза молотком по наковальне.

Ежели встретится надобность привести кого к присяге в таком месте, где нет кузницы, то в таком случае вбивают в землю две палки, в небольшом расстоянии одну от другой, и на них вешают заряженные винтовки, присутствующие становятся против интервала, а тот, кто должен присягать — у самого интервала, и произносят клятву, в заключении коей говорит: «Ежели я сказал ложь, то Шасшу Абжных да поразит мою голову свинцовыми пулями из этих ружей», и проходит через интервал.

В обоих случаях ложно присягнувший скоро сам открывает свое преступление. При первом лихорадочном пароксизме, сопровождаемом обыкновенно головною болью с бредом (лихорадки в Абхазии — болезнь обыкновенная), он воображает, что Шасшу бьет его молотом по голове, или, что он сознается, что провинился перед Шасшу; просит родственников и окружающих его умиловить прогневанного бога и объявляет откровенно, в чем состоит его преступление. Родственники после такого сознания немедленно удовлетворяют то лицо, которому большой причинил вред ложною присягою; приглашают того кузнеца, в присутствии коего учинена была присяга; приводят туда же козла, или барана, и назначают его на жертву для Шасшу, когда больной выздоревает, а кузнеца умоляют, чтобы он выпросил больно-

му прощение. После совершенного выздоровления больного совершают жертвоприношение таким же порядком, как и накануне нового года. Кузнецу за совершение обряда отдают часть мяса жертвы и кожу.

Для совершения присяги, исполняемой по вышеописанным обрядам, равно как и в развалинах храмов, назначаются среда и пятница; во время же великого поста приводить к присяге запрещается, исключая случаи, не терпящие остановки. От присяги освобождается муж беременной жены до ее разрешения, иначе, по понятиям абхазцев, будут преждевременные роды, хотя бы муж совершил присягу и по чистой совести.

III

Ажвешаа Абна-Инчваху. Богу этому делают жертвоприношение одни только охотники.

В Абхазии охота начинается после уборки винограда, которая во время хорошего урожая оканчивается к ноябрю, а во время посредственного — в половине декабря и раньше. Приготовляясь к охоте, партия охотников одной деревни или околотка делает складчину и, купив одного козла или барана, выбирает место в лесу для жертвоприношения. Обряд этого жертвоприношения совершается таким же порядком, как и богу кузнецов, с той только разницею, что тут каждый из охотников бросает ладан на уголья и просит лесного бога, чтобы он уделил ему из своих стад то, чего охотник желает.

Если охотники, выходя на охоту, встретятся с кем-нибудь и в тот день будет неудачная охота, то неудачу приписывают колдовству. Чтобы удалить колдовство, стараются достать из одежды встретившегося им при выходе на охоту несколько волосков, раскладывают в лесу огонек, сжигают на нем волосы, добытые из одежды, и поодиночке перепрыгивают через огонь.

IV

Айттар — покровитель домашнего скота.

Богу этому пастухи приносят в жертву молочную козу, обыкновенно в субботу вечером, — только не во время поста, — раз в году летом.

Около котла, наполненного кашею, становятся все пастухи, сколько их найдется при стадах, и старший из них просит Айтара о размножении их стад и о защите их от хищных зверей. После того кашу едят.

Если кто желает, чтобы пастух исполнил данное обещание, то стоит только заставить его, чтобы он поклялся богу Айтар, и обещание будет исполнено свято.

Хотя в малолетстве я часто присутствовал при религиозных обрядах абхазского народа, но полагая, что позабыл некоторые из них, пожелал однажды присутствовать при вышеописанном обряде, к которому готовились мои крестьяне. После совершения обряда я остался ночевать на месте.

С рассветом разбудили меня пастухи и сказали, что они отправляются со стадами в иное место для совершения другого жертвоприношения. Любопытство заставило меня последовать за ними. Приблизясь к одному очень живописному месту, мы застали там разведенный уже большой огонь и привязанного к дереву молодого телка, откормленного молоком.

Один из пастухов, старше прочих по летам, обмыв руки и нож, отвязал телка и, сняв шапку, произнес следующую молитву: «Хахту!»²⁹ (всевышний). Приношу тебе эту жертву по размеру моих предков и прошу ниспослать здравие и долголетие моему семейству, ближним и дальним моим родственникам; здравие и долголетие нашему владельцу и его семейству и нашему помещику с его семейством****. После этого жертва была заколота и мясо ее положили в котел. Когда совершивший молитву вымыл вторично руки, я подозвал его к себе и спросил, кого он разумеет под именем «Хахту». Он мне ответил, что бога, создателя человека и всего мира и, упрекнув меня в том, что я позабыл религиозные абхазские обряды, спросил в свою очередь: неужели русские не делают жертвоприношений? Я растолковал ему об обрядах нашей религии и предложил ему vykpecтиться. На это он мне ответил, что рад vykpecтиться; но не понимает, что читает христианский священник. Когда же он сам с открытою душою простирает руки к богу и собственными словами просит о прощении грехов и ниспослании благ, то на совете делается легче. После такого ответа я должен был замолчать.

Во время моего разговора с стариком пастухи свари-

ли мясо заколотой жертвы и приготовили другие кушанья. Все это сложено было в одно место; сюда же принесены были раскаленные уголья. После этого приготовления старик зажег восковую свечу, бросил несколько кусочков ладана на уголья и, сняв шапку, повторил первую молитву. Окончив ее, он отрезал от каждой части жертвы по кусочку и сжег на огне. Тем кончился обряд и все присутствующие принялись за приготовленные яства.

V

Джаджы. Божеству этому делают жертвоприношение следующим образом: когда снимут с полей хлеба и плоды с деревьев, то из каждого рода хлеба и плодов готовят пищу; все приготовленное ставят на стол и старший в семействе, сняв шапку, благодарит Джаджы за хороший урожай, ежели он действительно был хорош; если же был скуден, то просит, чтобы Джаджы вознаградил недостаток в будущем году.

В Бзыбском округе³⁰, т. е. в окрестностях Пицунды, обряд этот совершается еще другой раз в половине великого поста; только в это время пища готовится постная.

Кроме описанных мною жертвоприношений, абхазцы совершают еще по разным случаям некоторые языческие обряды. Они следующие:

1) Гоутану. Слово это взято из мингрельского языка и значит «безрассветный», или «дорассветный». Обряд этот совершается в Абхазии только в Абживском округе³¹, т. е. в селениях, смежных с Самурзаканью³².

Накануне рождества Христова в каждом семействе режут столько кур, сколько есть в семье душ обоого пола, и на каждого члена семейства готовят по 4 небольшие пшеничные булочки, начиненные сыром, называемые кваквари. До первых петухов куры должны быть изжарены и булочки испечены. Когда начнут петь петухи, то все семейство встает и готовится к обряду: хозяйка ставит на стол чашки, в которые кладут по одной курице, не разрезанной на части, и по 4 кваквари; к каждой чашке прилепляется восковая свеча, а впереди чашек ставят на особой посуде раскаленные уголья. После этого приготовления все члены семейства стано-

вятся на колени кругом стола, каждый против своей чашки; старший в семействе, сняв шапку, бросает уголья ладан и просит всевышнего, чтобы он предохранил его и все его семейство от кровавого поноса и т. п. Словом, вся молитва заключается в том, чтобы у всех желудки были в надлежащей исправности. По окончании молитвы присутствующие встают; поворачиваются направо-кругом и кланяются к востоку. После этого садятся за стол и каждый принимается за свою порцию. Остатки же кушанья сжигают. Весь этот обряд должен кончиться до рассвета.

Так как «гоутану» мингрельское слово, то я любопытствовал узнать, не совершается ли этот обряд и в Мингрелии; оказалось, что он был там совершаем до епископа Георгия; но этот преосвященный запретил совершать его, как несообразный с правилами нашей веры. В Самурзакани я не имел случая собрать сведения, совершается ли он там или нет.

2) К а л а н д а. Обряд этот совершают тоже в Абжвинском округе. Он заключается в следующем: накануне нового года, после ужина, в каждом семействе готовят большую четырехугольный пирог, начиненный сыром, и пекут его. Когда начнут петь первые петухи, то пирог кладут на большую доску, прилепив к ней и зажженную восковую свечу; в то же время все члены семейства становятся около этой доски на колени и старший в семействе, бросив ладан на уголья, просит у Каланды всякого блага для своего семейства. После этого едят пирог, а оставшиеся части сжигают. Обряд этот, как и предыдущий, должен кончиться до рассвета.

3) Г у н ы х в а³³. В первый день нового года поутру пекут в каждом семействе столько небольших булочек, сколько есть членов в семействе, вложив в каждую сваренное и облупленное яйцо. Старший в семействе, поднося каждому члену семейства булочку к груди, просит бога, чтобы он избавил их от сердечных болезней. Потом каждый ест свою булочку. «Гуныхва» значит сердечная молитва.

С наступлением нового года младшие поздравляют старших и в подарок подносят дрозда. Для этого случая каждый старается снять дрозду голову: пулею, дабы показать свою ловкость в стрельбе. Поздравляющие получают подарки за поздравление.

4) Когда в летнее время делается засуха, то обыкновенно деревенские девушки собираются в лучших своих нарядах недалеко от речки или ручья и, разделившись на три части, одна часть отправляется к речке и устраивает из ветвей плот, другая часть сносит к плоту сухую солому, а остальные наряжают куклу в виде женщины. После этих приготовлений, выпросив у какого-либо поселенца ишака, покрывают его белой простыней и сажают на него куклу. Одна из девушек берет за повод узду, надетую на ишака; две становятся на обе стороны ишака и поддерживают куклу; остальные, разделившись на две части, становятся по обе стороны ишака и в таком порядке открывают шествие к месту, где устроен плот, и поют следующую песню: «Дзивау, дзывава, дзири, ква, ква мыкрылд апш ах,***** ипа дзышвойт дзы хучик, дзы чучик», т. е. «Воды дашь, воды дашь! воду дождевую, маргаритку красную. Сын владыки жаждет немного воды, немного воды».

Спевааясь таким образом, девушки приводят ишака к плоту, снимают с него куклу, сажают ее на плот, зажигают наброшенную на него солому и зажженный плот пускают по течению воды; потом заставляют ишака выкупаться в той же речке, чему тот, разумеется, противится. Тогда девушки, вооружаясь хлыстами, заграждают ему дорогу и вгоняют в речку. Ишак, переплыв речку и вышедши на противоположный берег, обыкновенно начинает реветь, вероятно, от радости, что освободился от этих церемоний; но девушки это принимают за хороший признак и уверены, что будет дождь. После этого они возвращаются по домам, напевая народные песни.

5) В первый день великого поста девушки-невесты не едят ничего целый день и каждая prepares своею вручную, в большом секрете, по 4-е маленьких конусообразных хлеба из гомини или муки, постные и без всякой примеси. При закате солнца они варят эти хлеба; когда же совершенно стемнеет, то каждая, положив приготовленный таким образом хлеб в чашку, отправляется к предупрежденной уже заблаговременно, недавно вышедшей замуж женщине. Замужняя женщина принимает девушек в особом строении³⁴ и, когда все соберутся, то ставит их на колени в полукружке, приказав каждой из них держать перед собою раскрытую чашку с хлебами; сама же, став перед ними и произнося слова: «Мумыр

ах, Сумыр ах», просит для девушек хороших женихов. Если девушка дворянка или высшего сословия, то для нее просит жениха красивого, умного, храброго и гостеприимного; если же девушка из простого сословия, то молодого, пригожего, хорошего хозяина и гостеприимного, и закликает, чтобы суженый каждой из девушек показался им во сне. Потом она разламывает по одному хлебу из принесенных девушками и дает им отвесть. После этой церемонии девушки встают и расходятся, унося с собою остальные хлеба. Ложась спать, они кладут их под голову. На другой день, проснувшись, вынимают секретно спрятанные под подушку хлеба, разламывают их и в каждом находят волосы такого цвета, какие будет иметь жених. Во время же сна каждая видела уже своего суженого. Таков предрассудок или уверенность у абхазских женщин, и замужние доказывают, что они на опыте убедились в справедливости вышесказанного.

БИОГРАФО-БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК О С. Т. ЗВАНБА

Соломон Теймуркович¹ Званба² — ученый-этнограф, один из ярких представителей абхазской интеллигенции XIX столетия. Его перу принадлежит несколько очерков и статей, главным образом, по отдельным вопросам этнографии абхазского народа. Небольшое научное наследство Званба тем не менее сыграло важную роль в истории изучения этнографии Абхазии: его сведения, говоря словами известного советского этнографа профессора М. О. Косвена, «составили... значительный вклад в абхазоведение»³. А современник Званба, К. А. Бороздин, справедливо отмечал, что он оставил заметный след вообще в литературе Кавказа⁴.

Вместе с тем имя С. Т. Званба вписано и в историю русской армии как имя человека, проявившего себя храбрым и талантливым военачальником во время Крымской (Восточной) войны (1853—1856), что было официально признано тогдашним главнокомандующим Кавказской армией Н. Н. Муравьевым (Карским) и ру-

¹ В официальной справочной литературе XIX века С. Т. Званба фигурирует иногда под отчествами Титовича, Николаевича и Балахуновича, но чаще Теймурковича, как он значится и в его формулярных списках.

² Сам С. Т. Званба предпочитал писать Званбай; иногда его именуют также Званбая, Званбаев, Зомбай, Цомбай, Цумбай. Наиболее правильная транскрипция — Званба (Ажэанба). Академик И. А. Джавахишвили употреблял именно эту, абхазскую форму. (См.: *ა. ჯავახიშვილი. ქართველი ერის ისტორია*, ტ. I, თბ., 1979, აკ. 118-119, 123, 134.

³ См.: М. О. Косвен. Материалы по истории этнографии Кавказа в русской науке. — КЭС, I, М., 1955, с. 356.

⁴ К. Бороздин. Омер-паша в Мингрели (Рассказ очевидца). — «Военный сборник», 1873, № 6, с. 207.

ководителем военных операций в Западной Грузии генералом И. К. Багратион-Мухранским. «Храбрый подполковник Званбай», — отзывались о нем тот и другой. К. Д. Мачавариани также называл С. Т. Званба одним «из выдающихся боевых офицеров»⁶.

1

Дед Званба, Ламкац Званба, происходил от звандрипшских⁷ дворян (аамста) Званба. Он поселился в селе Дранда (Цкыбын) в качестве управляющего владетельским именем при Зурабе Шервашидзе (Чачба), или в начале княжения племянника последнего — Келешбея Шервашидзе (Чачба), т. е. около 70 или 80 годов XVIII века⁸. Ламкац Званба владел лишь несколькими крестьянами. Когда третий сын Келешбея, Хасанбей (Гасанбей), около 1804 года получил в «удел» земли, расположенные на территории значительной части современных Сухумского и Гульрипшского районов, княжеские дворяне Званба «сделались вполне его (Хасанбея. — Г. А.) подвластными и особенным значением в округе⁹ не пользовались, как люди бедные и далеко не самостоятельные. Драндские анхаю¹⁰ им по-прежнему никаких повинностей не отбывали, а отбывали их Хасанбею»¹¹.

⁵ Н. Н. Муравьев. Война за Кавказом в 1855 году, т. II, ч. IV. СПб., 1877, с. 289; [И. К. Багратион-Мухранский]. Подробное описание дела, бывшего 25 октября 1855 г. на р. Ингуре, при вторжении Омер-паши в Мингрелию. — АКАК, т. XI, ч. I, с. 108.

⁶ К. Д. Мачавариани. Описательный путеводитель по Сухуму и Сухумскому округу, Сухум, 1913, с. 266.

⁷ Селение Звандрипш находится в современном Гудаутском районе Абхазской АССР. Кстати, это название происходит от фамилии Званба (Ажванба), одного из старинных абхазских родов.

⁸ Ген.-л. Багратион-Мухранский. Записка о владении кн. Г. Д. Шервашидзе. — ЦГИАГ, ф. 416, 1863 г., д. 180, лл. 2—8. «Исторический вестник», Тбилиси, 1953, т. 7, с. 268, 284.

⁹ Здесь имеется в виду Абхазский округ (Гумская Абхазия), как была названа тогда царской администрацией территория современных Сухумского и Гульрипшского районов (без Цебельды и Дала и некоторых других земель), которую почти целиком занимали имени Хасанбея Шервашидзе (Чачба).

¹⁰ Анхаю (анхафы) — основная крестьянская категория в предреформенной Абхазии; лишь формально юридически свободные, экономически и политически феодально зависимые крестьяне.

¹¹ «Исторический вестник», Тбилиси, 1953, т. 7, с. 285.

Во время событий, последовавших за убийством Келешбея в 1808 году, дворяне Званба начали играть более видную роль и приобрели большое доверие у князя Хасанбея, который в тогдашней политической обстановке в крае старался приблизить их к себе. Во время же ссылки Хасанбея в Сибирь (1821—1827 гг.) дворяне Званба еще более усилились, и подвластные князю крестьяне, жившие в селении Дранда, начали им служить. Вернувшись из Сибири, князь Хасанбей Шервашидзе не лишил дворян Званба права пользоваться повинностями драндских крестьян (анхаю), но при этом последние и князю были обязаны определенными повинностями. При этом и сами дворяне Званба должны были в пасху приводить Хасанбею «лучшую корову», а также наблюдать за целостью его скота, который пасли между реками Пшап и Кодор.

Хасанбей Шервашидзе не давал дворянам Званба прав собственности на землю. Княжеский скот пасся в драндских лесах. Князь позволял селиться здесь разным анхаю, своим и чужим, с тем, чтобы они платили подати ему, а не Званба. При таком положении анхаю не могли считаться безусловно подвластными дворянам Званба, которым было предоставлено право пользоваться не всеми повинностями анхаю, а лишь их частью¹². Эти анхаю, например, при преемнике Хасанбея, Дмитрие (Сентбее) Шервашидзе, обязаны были от каждого дыма давать княжеским пастухам, пасшим стада в Дранде, по одному килограмму кукурузы и одному кувшину (абхал) вина. Кроме того, на пасху от каждого крестьянского дыма дворян Званба князь Дмитрий Шервашидзе получал, «сообразно состоянию каждого», барашка, козленка или курицу¹³.

Зависимое положение Званба от князей Шервашидзе выразилось и в следующем факте. Владелец Абхазии Георгий (Сафарбей) Шервашидзе (1808—1821), желая укрепить дружбу с младшим братом Хасанбеем, отдал ему на воспитание своего сына Константина (Хуршидбея). Хасанбей приставил к молодому князю в качестве

¹² Багратион-Мухранский. Записка... «Исторический вестник», Тбилиси, 1953, т. 7, с. 285.

¹³ ЦГИАГ, ф. 1719, оп. 1, д. 6, л. 204.

агандала¹⁴ старшего сына Теймурквы Званба — Соломона, которому в ту пору было около 10 лет¹⁵. Мальчик выделялся своими способностями и был скоро замечен начальником Абхазского отряда полковником А. Г. Пацовским, часто бывавшем в княжеском доме. Желая «составить новую связь с абхазцами»¹⁶, последний около 1824 года¹⁷ взял к себе на «воспитание» Соломона Званба вместе с его сверстником Николаем (Эмином) Шарылом из с. Лыхны, также человеком очень способным¹⁸.

В 1826 году на основании ходатайства главнокомандующего на Кавказе генерала А. П. Ермолова Константин Шервашидзе был определен «к высочайшему двору» пажем и помещен в Пажеский корпус на казенное содержание¹⁹. Вместе с ним в Петербург был отправлен и прислуживавший ему Соломон Званба. В 1827 году отец Соломона, Теймурква Званба, как и некоторые другие абхазские князья и дворяне, дал клятвенное обещание «верно и нелицемерно» служить русскому правительству²⁰. В следующем, 1828 году, очевидно, по ходатайству того же полковника Пацовского, С. Т. Званба был определен в Дворянский полк²¹ «для изучения порядка военной службы»²². С этого момента и начинается военная служба Соломона Званба, благодаря чему мы имеем в своем распоряжении официальные сведения о

¹⁴ В Абхазии, как и в некоторых других областях Кавказа, существовал, обычай: когда отдавали на воспитание ребенка княжеского рода, то вместе с ним в качестве прислуги посылали кого-нибудь из ему подвластных, как правило, одних лет с воспитанником. Такой слуга и назывался агандал (гандали).

¹⁵ «Исторический вестник», Тбилиси, 1953, т. 7, с. 286.
¹⁶ [Ф. Ф. Торнау]. Воспоминания кавказского офицера, ч. I, М., 1864, с. 41.

¹⁷ С. Т. Званба в 1849 году был награжден орденом св. Георгия 4 степени за 25 лет военной службы.

¹⁸ Ф. Ф. Торнау. Указ. соч., с. 41.

¹⁹ ЦГВИА, ф. 35, д. 109, лл. 1—5; АКАК, т. XII, ч. I, с. VI.

²⁰ АВПР, ф. Главный архив, 1—7, 1827 г., д. 2, лл. 8—10.

²¹ Дворянский полк — военно-учебное заведение, существовавшее с 1808 по 1855 год; в 1855 году он был переименован в Константиновский кадетский корпус, а затем — в Константиновское военное училище.

²² Формулярный список о службе и достоинстве Черноморского линейного № 10 батальона штабс-капитана Званбай, 3 января 1841 года. — ЦГВИА, ф. 395, III отд. стол 1, оп. 455, св. 1100, ч. II, д. 546, лл. 91—98; АКАК, т. XII, ч. I, с. VI.

изни и деятельности, хотя несколько односторонние, но тем не менее почти единственные. Соломон Теймуркович Званба родился в 1809 году²³ в Дранда (Цкыбын)²⁴. В Дворянском полку в Петербурге находился с 24 апреля 1828 года по 11 марта 1831 года; 14 марта 1831 года — был произведен в чин прапорщика, а 10 февраля 1832 года — в прапорщики. В 1832 года С. Т. Званба был отправлен в 91 егерский полк, где 22 марта 1834 года произведен в подпоручики. В ноябре того же года его перевели в Мингрельский егерский полк. В марте 1839 года Званба из этого полка был переведен в Черноморский линейный № 10 батальон, где в июне произведен в чин поручика, в марте 1840 года — штабс-капитана, а в ноябре 1841 года — капитана²⁵. В названный батальон в ноябре 1836 года был направлен и известный писатель-декабрист А. А. Бестужев-Марлинский.

С. Т. Званба одновременно «приобрел довольно большое значение у русского начальства и в Абхазии»²⁶, где с 1833 года он, как человек «верный» и достаточно «подготовленный», равно знающий абхазский и русский языки, состоял при абхазском владетеле «для помощи в письменных сношениях» последнего с российскими властями²⁷.

Тем временем отношения между Соломоном Званба и Хасанбеем Шервашидзе стали натянутыми. Это было вызвано, с одной стороны, положением молодого Званба при дворе владетеля Абхазии Михаила Шервашидзе, а с другой — отношениями между противником последнего — Хасанбеем и драндскими дворянами Званба. Фигура Соломона Званба становится предметом особого внимания и Михаила, и «всесильного» его дяди Хасанбея.

Владетель Абхазии в 1834 году дал С. Т. Званба грамоту на получение земли в с. Дранда, которую Хасанбей считал своей бесспорной собственностью. Правда, впоследствии (в 60-х годах) управляющий имениями потом-

²³ Формулярный список С. Т. Званба... 1841 года.

²⁴ Село Дранда находится в современном Гулрыпшском районе Абхазской АССР.

²⁵ Формулярный список С. Т. Званба 1841 года.

²⁶ «Исторический вестник», Тбилиси, 1953, т. 7, с. 286.

²⁷ АКАК, т. XII, ч. I, с. VI.

ков Хасанбея Шервашидзе А. В. Пахомов отрицал такой факт, но он имел лишь одну цель — доказать во что бы то ни стало, что князья Шервашидзе являлись полными собственниками как той земли, на которую претендовали дворяне Званба, так и всей обширной территории, известной в то время под названием «Абхазского округа» (Гумская Абхазия)²⁸. Что же касается доводов Пахомова для отрицания существования указанной владетельной грамоты, помеченной 1834 годом, то они настолько неубедительны и тенденциозны, что скорее доказывают обратное.

К сожалению, нам не удалось разыскать этот документ. Пахомов же утверждает, что он видел копии грамоты, из которых одна находилась у Таты Званба, жены двоюродного брата Соломона Батыршаха Званба, а другая — в делах Мингрельского егерского полка. И поскольку, отмечает Пахомов, в первой копии было сказано, что подлинник грамоты хранится в делах указанного полка, а там была обнаружена также только копия, то документ был составлен будто самим С. Т. Званба. Между прочим, все «доводы» Пахомова были отражены в «Проекте поземельного устройства населения Сухумского военного отдела», составленном Сухумской сословно-поземельной комиссией (1869 г.), в котором на этом основании положение дворян Званба в Дранде было определено лишь как «ахылапшу» («покровителей»)²⁹.

Из сообщений А. В. Пахомова выясняется кое-что по существу содержания грамоты. В ней были указаны границы имения Соломона Теймурковича, известного и как село Званба³⁰. Однако Пахомов о размерах этого имения только указал: «В грамоте (копии. — Г. А.) отмечены большие границы, далеко выходящие из пределов того, чем когда-либо пользовались аамста Званба». Грамота также предоставляла С. Т. Званба и его братьям право продажи самшита из с. Звандрипш. Пахомов, возражая и против этого, писал, что, во-первых, владетель никогда бы не лишил себя этого важного дохода и, во-вторых, драндские Званба уже давно ничем не пользовались в селе Звандрипш³¹.

²⁸ См.: «Исторический вестник», Тбилиси, 1953, № 7, с. 286—287.

²⁹ ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1869, д. 1017, лл. 82—83.

³⁰ См., например, ЦГАОР, ф. 649, д. 156, л. 89.

³¹ «Исторический вестник», Тбилиси, 1953, № 7, с. 286—287.

Хотя А. В. Пахомов и отрицал существование владетельской грамоты, но в то же время он признавал наличие «имения Званбаевых». По его же сведениям, при жизни Хасанбея, Дмитрия Шервашидзе, подвластными дворянам Званба считались 22 крестьянских дыма. Владелец имения считался С. Т. Званба, как «старший в роде». В доме Соломона жил его двоюродный брат Батыршах, сын Матырбея Званба, но он почти ничем не пользовался. Из Записки того же А. В. Пахомова узнаем, что С. Т. Званба выстроил два дома: один в городе Сухуми³², а другой — в селении Дранда (Цыбын)³³.

В мае 1837 года С. Т. Званба участвовал в военной экспедиции в Цебельду, предпринятой под непосредственным начальством главнокомандующего на Кавказе Г. В. Розена. В ней были ссыльные декабристы А. А. Бестужев-Марлинский и В. С. Норов, а также великий азербайджанский писатель и мыслитель М.-Ф. Ахундов и начальник штаба Кавказского корпуса, декабрист В. Д. Вольховский. Затем, в июне того же года, экспедиция была направлена на мыс Адлер, где при перестрелке с горцами и погиб А. А. Бестужев-Марлинский³⁴.

В начале мая 1842 года С. Т. Званба сопровождал в Петербург «депутацию» из князей и дворян Джигетского (Садзского) приставства³⁵, назначенную для представления Николая I. Из «депутации» в пути умерло три человека. Об этом случае писал С. Т. Званба из г. Орла

³² Этот дом с земельным участком в 1860 году владетель Абхазии Михаил Шервашидзе приобрел у жены Соломона Званба и подарил своему младшему брату Александру Шервашидзе, который затем продал его жене Константина Шервашидзе, Наталье Матвеевне, за 400 руб. (ЦГАА, ф. 60, д. 95, л. 2).

³³ «Исторический вестник», Тбилиси, 1953, № 7, с. 289.

³⁴ Подробнее см.: Г. А. Дзидзария. Декабристы в Абхазии. Сухуми, 1972, с. 53, 65 и др.

³⁵ Это приставство, обнимавшее пространство между гагрскими тесинами и р. Хоста, было образовано в 1840 году и причислено к Абхазскому княжеству в 1841 году. Данная территория была известна также под названием Малая Абхазия. Ее обитатели — садзы (джигеты, или джики) — принадлежали, как уже отмечалось, к абхазской этнической группе и делились на горных (мдыюаа, или мевеевцы) и прибрежных, которые, в свою очередь, подразделялись на ряд обществ. Образование приставства приняли только прибрежные садзы. В результате Кавказской войны все они почти целиком выселились в Турцию (махаджирство).

начальнику 3-го отделения Черноморской береговой линии Н. Н. Муравьеву (Амурскому)³⁶.

В июне 1842 года С. Т. Званба получил звание майора³⁷. В мае 1843 года он был переведен в Черноморский линейный № 16 батальон. В том же году Званба назначается начальником войск и милиции, расположенных в Цебельде, а с 12 ноября — исправляющим должность джигетского пристава; 11 июня 1845 года — командиром Черноморского линейного № 8 батальона. К нему неоднократно обращаются князья и дворяне Джигетского пристава, в августе 1847 года он принимает «почетных старейшин» и т. д.³⁸ Джигетское пристава вместе с Цебельдинским пристава в 1847 году было введено в расписание приставских управлений на Кавказе³⁹.

В силу «служебной опытности и знания военного дела» неоднократно отмечавшийся начальством, С. Т. Званба 21 марта 1848 года был произведен в подполковники⁴⁰. В августе того же года он избирается посредником в переговорах между гарнизоном Навагинского форта (Сочи) и окрестным населением, с целью прекращения «продолжительной войны»⁴¹. 22 января 1850 года С. Т. Званба подал рапорт начальнику 3-го отделения Черноморской береговой линии генералу К. К. Гогенбаху с ходатайством об отправлении его в Пятигорск для лечения. Из рапорта Гогенбаха на имя начальника Черноморской береговой линии генерала А. И. Будберга узнаем, что С. Т. Званба в это время, помимо того, что являлся командиром Черноморского линейного № 8 батальона и джигетским приставом, занимая также должность военного начальника укрепления Св. Духа (Адлера)⁴².

³⁶ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6435, лл. 82—83 (Записка Н. Муравьева от 11 мая 1842 г. П. Клейнмихелю).

³⁷ «Список майоров по старшинству», СПб., 1844, с. 233.

³⁸ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6597, лл. 65—74; оп. 272, св. 122, д. 147/3, лл. 125—127; [Т. Т. Стефанов]. Михайловский крепостной пехотный батальон на Кавказе. 1819—1906. Батум, 1906, с. 196.

³⁹ АКАК, т. XII, ч. II, с. 648; Т. Т. Стефанов. Указ. соч., с. 203.

⁴⁰ «Русский инвалид или военные ведомости», СПб., 1848, № 67; «Список генералам и штабс-офицерам Отдельного Кавказского корпуса», СПб., 1853, с. 86.

⁴¹ ЦГВИА, ф. ВУА, оп. 272, св. 124, д. 173, лл. 121—121 об.

⁴² ГАКК, ф. 260, оп. 1, д. 855, лл. 1, 2, 16.

С. Т. Званба 28 мая 1850 года был переведен командиром Черноморского линейного № 10 батальона, а 14 апреля 1852 года назначен командиром Черноморского линейного № 11 батальона «для приведения его в полный порядок после двух быстро сменившихся командиров»⁴³. На этой должности С. Т. Званба оставался до конца своей жизни.

За время пребывания в армии С. Т. Званба был награжден орденами: св. Владимира 4 степени, св. Анны 3 ст., св. Станислава 4 ст., св. Георгия 4 ст., а также золотой шпагой с надписью «За храбрость» и др. Как офицеру царской армии, Соломону Званба приходилось принимать участие в военных экспедициях, которые проводило царское правительство в те годы в Абхазии и на Черноморье. Вместе с тем С. Т. Званба принимал активное участие в строительстве дорог, имевших большое значение, в частности, для разрушения натурально-патриархальной замкнутости, развития внутреннего рынка и т. д. Он был награжден орденом св. Станислава 4-й степени⁴⁴ за участие в экспедиции по устройству сухопутного сообщения на побережье Абхазии, состоявшейся еще в 1834—1835 годах⁴⁵. Между прочим, в этой экспедиции находились также декабристы В. С. Норов, Павел Александрович Бестужев, писатель П. П. Каменский и др.

Следует отметить и активное участие С. Т. Званба в борьбе русского правительства против англо-турецкой контрабандной торговли, в том числе пленопродавства (работорговли), на побережье Кавказа. Как известно, большое значение в этом деле имело крейсерство русского флота и затем учреждение Черноморской береговой линии, состоявшей из ряда крепостей и укреплений, построенных войсками на Кавказском берегу Черного моря в 30—40 годах. В 1845 году С. Т. Званба был награжден золотой шпагой за участие в десанте против контрабандных судов⁴⁶.

⁴³ Т. Т. Стефанов. Указ. соч., с. 203.

⁴⁴ ЛФЦГВИА, Научно-справочная библиотека, кн. 7107, с. 79 об. Приказы по Отдельному Кавказскому корпусу. Приказ № 69, п. 2.

⁴⁵ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6312, л. 66.

⁴⁶ Формулярный список о службе и достоинстве командира Черноморского линейного № 11 батальона, состоящего по армии подполковника Званбая, 16 ноября 1855 г. — Т. Т. Стефанов. Указ. соч., приложение XVII, с. 24.

В книге Т. Т. Стефанова «Михайловский крепостной пехотный батальон»⁴⁷ на Кавказе приводится интересный материал, характеризующий начальника Черноморского линейного 11-го батальона подполковника С. Т. Званба как прогрессивного и гуманного офицера русской армии. Картина состояния названного батальона, как и других военных частей на Черноморской береговой линии, «была крайне неутешительная». Первое, на что обратил внимание новый командир, это офицеры, мало знавшие службу и не обращающие внимания на образование солдат, предоставляя это дело «дядькам» и унтер-офицерам. Хотя роты батальона часто бывали на работах, все же подполковник Званба успевал с ними пройти несложный курс стрельбы и «устные учения». Он добился выделения средств на постройку каменных казарм и устройство лазарета в здоровой нагорной части Сухума⁴⁸, а также заботился об обеспечении солдат и офицеров батальона теплым зимним обмундированием и т. д.

Как признавал и Т. Т. Стефанов, служба в Черноморских линейных батальонах была тяжелая. И подполковник Званба «стремился улучшить жизненную обстановку солдата своего батальона». Он «особенно оставался недовольным, когда поступали жалобы от нижних чинов на офицеров, взявших у них деньги и не думавших об уплате». «Поступки, недостойные имени офицера, им строго карались». В то же время командир Званба «дорожил своими офицерами и всегда горячо отстаивал их, когда начальство, узнав о поступке офицера, собиралось уволить его со службы». Таким образом, С. Т. Званба «всегда оставался деятельным и требовательным при исполнении службы и в то же время добрым, сердечным человеком, в полном смысле отцом-

⁴⁷ Михайловский крепостной батальон был образован из Черноморского линейного № 11 батальона.

⁴⁸ Генерал Г. И. Филиппсон, служивший в 30—40-х годах на Черноморском побережье, свидетельствовал: «Сухум казался каменным гробом: нельзя было встретить свежего, здорового лица... В Сухум ежегодно посылали 16% штатного числа нижних чинов (солдат. — Г. Д.) на укомплектование, т. е. средняя жизнь считалась там почти в шесть лет» (Г. И. Филиппсон. Воспоминания, М., 1885, с. 193).

командиром своих офицеров и солдат», благодаря чему он и «достиг громадных успехов»⁴⁹.

Говоря словами того же Т. Т. Стефанова, «вот с каким командиром Черноморский линейный № 11 батальон начал Восточную войну», участие в которой и батальона, и лично его командира, подполковника С. Т. Званба, были поистине выдающимися.

Как известно, турецкие войска во время Крымской войны повели наступление на территорию Закавказья. Летом 1855 года батальон участвовал в проекте о диверсии в Западную Грузию, для которой русскую армию сняты осаду с Карса и угрожали Тифлису, а также поднимать кавказские силы против России⁵⁰. Было решено начать это движение со стороны Абхазии, откуда еще весной 1854 года были эвакуированы русские войска. Сухум был избран исходным пунктом движения, где противник сосредоточил войска в составе около 30 тысяч человек. Турецкая оккупация тяжело отразилась на всей жизни Абхазии. Сухум и некоторые другие места были разорены и пришли в упадок. Вместе с тем англо-турецкие захватчики, пользуясь благоприятной обстановкой, развернули работорговлю.

В первых числах октября 1855 года главнокомандующий турецкой экспедиционной армией генералиссимус Омер-паша начал движение из Сухума к границам Мегрелии, и к 20 октября главные силы противника были стянуты на правом берегу Ингури, где расположились в селах Пахулани, Дихазурга и Чубурхинджи, став у переправ Оцарце⁵¹. Когда наступление неприятеля со стороны Абхазии ясно обрисовалось, начальник Гурийского (Кутанского) отряда русских войск, предназначенного для обороны Западного Кавказа (на Батумском и Сухумском направлениях), генерал И. К. Багратион-Мухранский на левом берегу Ингури сосредоточил большую часть своих войск, в том числе и Черноморский линейный № 11 батальон⁵², составлявший 30 проц. всей пехо-

ты и 15 проц. всего отряда⁵³. Перед этим батальон, командуемый С. Т. Званба, участвовал в движении: в Кобулетский санджак — с 10 до 28 мая, на р. Супса — с 10 по 29 сентября, 5 октября — следование в Коки и 21 октября — на р. Ингури⁵⁴.

Русское командование решило встретить на р. Ингури противника упорным боем, несмотря на незначительность сил, имевшихся в его распоряжении для обороны линии фронта с многочисленными переправами через реку. Общее руководство обороной этих переправ было возложено на начальника кавалерии Гурийского отряда гвардии полковника Дмитрия (Сейтбея) Хасанбеевича Шервашидзе (Чачба)⁵⁵.

Между прочим Омер-паша сразу же после своей высадки в Сухуме пытался добиться перехода Д. Х. Шервашидзе на свою сторону. Однако происки турецкого главнокомандующего оказались совершенно тщетными⁵⁶. Как сообщал Багратион-Мухранский, полковник немедленно покинул родину «против всех убеждений и даже угроз со стороны родных и друзей» и, «оставив там на произвол судьбы престарелую мать свою и имущество, явился в ряды русских войск; мать едва находит пропитание, а имущество разграбили дотла...»⁵⁷ В рядах же русских войск он, как доносил наместник Кавказа генерал Н. Н. Муравьев (Карский) военному министру Долгорукову от 6 января 1856 года, «исполняет обязанности службы с полным рвением и отличается мужеством и храбростью в делах против неприятеля»⁵⁸.

25 октября неприятель завязал перестрелку у развалин Рухской крепости. Начался знаменитый Ингурский бой. Встретив сильное сопротивление со стороны отряда генерал-майора Григория Дадияни, который находился на Рухской позиции, прикрывавшей самый удобный путь в направлении Зугдиди, турки главной своей массой

⁴⁹ Т. Т. Стефанов. Указ. соч., приложение XVIII, с. 27.

⁵⁰ Н. Н. Муравьев. Указ. соч., с. 265.

⁵¹ [П. К. Услар]. Записка о военных действиях Гурийского отряда. — АКАК, т. XI, ч. I, с. 241—242.

⁵² Н. Н. Муравьев. Указ. соч., с. 278—279; АКАК, т. XI, ч. I, с. 135—137.

⁵³ Т. Т. Стефанов. Указ. соч., с. 387—388; см. также: АКАК, т. XI, ч. I, с. 123—124, 131 (на франц. яз.).

⁵⁴ АКАК, т. XI, ч. II, с. 949.

⁵⁵ ЦГВИА, ф. 482, д. 110, л. 213.

продвинулись до переправ в Коки. И скоро на высоте Нарманиевской переправы⁵⁹ появился их значительный отряд.

Оборона этого самого «опасного пространства» фронта, куда были брошены основные силы турок, поручается подполковнику Званба⁶⁰, который стоял здесь со своим Черноморским линейным № 11 батальоном и взводом легкой № 1 батареей. Он непосредственно подчинялся гвардии полковнику П. Х. Шервашидзе. Званба приготавливался к бою с противником, превосходившим силы командуемой им роты в пять раз. Это было в 3 часа дня. Турки из-за противоположного берега открыли огонь. Отвечая им, Званба. «Неустрасимый подполковник Званба» действовал впереди батареи под неприятельскими пулями, отдавал приказанья⁶¹. Полковник Шервашидзе, услышав перестрелку, тотчас же лично прискакал к месту с двумя конными дружинами.

Но вскоре массы турецкой пехоты вступили в самую р. Ингури. Бойцы Званба «молодецки отбивали переправу войск Омер-паши... с утра до поздней ночи»⁶², «солдаты дрались отлично»⁶³. Река, наконец, была очищена от противника. Однако, писал Багратион-Мухранский, «это блистательное отражение дорого нам стоило. Не заботясь о себе, думая лишь о поражении неприятеля, начальники и подчиненные вырвались из-за завалов на самый берег и представили собой широкую цепь для турецких штуцеров и турецкой картечи»⁶⁴.

Перед ротами линейных батальонов пали один за другим три командира. Первым из них был подполковник С. Т. Званба. Он был убит штуцерной пулей, вошедшей в правое ухо и вышедшей в левое⁶⁵. Званба был немедленно вынесен на перевязочный пункт. Врач констатировал смерть⁶⁶. Командование отрядом принял сра-

жавшийся рядом командир Грузинского № 1 батальона полковник Р. И. Иоселиани, «впереди всех подавший пример неустрасимости»; но он также мужественно погиб⁶⁷. Командиром «этой геройской колонны»⁶⁸ стал штабс-капитан И. Л. Кобелев. Раненный в руку, он не хотел оставить боя, но вскоре получил другую, смертельную рану⁶⁹. Командование батальоном, по старшинству, принял поручик Рубцов. Для общего командования на Нарманиевских переправах был призван майор Ивин. Но через некоторое время и он был тяжело ранен, а Рубцов убит. Пришлось лично приехать Д. Х. Шервашидзе, чтобы организовать отступление истекавшей кровью части. Прибыл и сам командир Гурийского отряда И. К. Багратион-Мухранский, находившийся до этого на Рухской позиции⁷⁰.

Как сообщал начальник штаба Гурийского отряда полковник П. К. Услар, который внимательно «следил шаг за шагом за действиями двух воюющих сторон»⁷¹, «героическая оборона Норманских (Нарманиевский. — Г. Д.) переправ шестью ротами заставила Омер-пашу на время усомниться даже в возможности успеха; роты эти, потеряв всех своих начальников, не уступили до самой ночи пяди земли неприятелю и потом отступили будучи уже окружены со всех сторон турецкими батальонами, успешными переправиться на других пунктах, где не встретили они столь отчаянно-упорного сопротивления»⁷².

Кровопролитное сражение на рубеже реки Ингури в целом закончилось неудачно для Гурийского отряда. К 9 часам вечера все части снялись с Ингури и отступили на новую позицию. Однако в этом сражении численно превосходивший противник понес «огромную потерю,

⁵⁹ В донесениях о военных действиях на р. Ингури эта переправа называется «Норманской» вместо «Нарманиевской» (Санарманис).

⁶⁰ АКАК, т. XI, ч. I, с. 108.

⁶¹ Т. Т. Стефанов. Указ. соч., с. 241.

⁶² «Кавказская старина», Тифлис, 1872, № 1, с. 68.

⁶³ Н. П. Колюбакин. Закавказье в 1855 г. — «Русская старина», 1876, X, с. 690.

⁶⁴ АКАК, т. XI, ч. I, с. 108.

⁶⁵ Там же; Н. Н. Муравьев. Указ. соч., с. 289.

⁶⁶ Т. Т. Стефанов. Указ. соч., с. 289.

⁶⁷ «Кавказский вестник», 1914, № 49, с. 4.

⁶⁸ К. А. Бородин. Закавказские воспоминания..., с. 27.

⁶⁹ АКАК, т. XI, ч. I, с. 109.

⁷⁰ Н. П. Колюбакин. Закавказье в 1855 г., с. 330; «Кавказский сборник», 1880, т. V, с. 338—341.

⁷¹ Л. Г. Загурский. Петр Карлович Услар и его деятельность на Кавказе. — ССКГ, вып. X, 1881, с. XVI.

⁷² П. К. Услар с 7 октября 1854 года находился в командировке в распоряжении начальника Гурийского отряда и был начальником штаба этого отряда (См.: «Список генерального штаба», СПб., 1855, с. 34).

⁷³ АКАК, т. XI, ч. I, с. 243.

в несколько раз превышавшую нашу»⁷³, и впоследствии вся эта кампания Омер-паши была сведена к нулю⁷⁴.

Население Абхазии с большой ненавистью встретило оккупантов и приняло активное участие в борьбе с ними. Двадцать дней понадобилось Омер-паше для перехода от Сухума до Ингури, т. е. на расстоянии 70 верст. Треть его войск пришлось оставить позади для обеспечения коммуникационной линии. В английской газете „Times“ уже накануне этого выступления, 24 сентября, было напечатано сообщение из Сухума: «Отвращение здешних абхазов не подлежит никакому сомнению... Они не только не помогают нам, но еще разрушили несколько мостов, которые облегчили бы наши движения, и портят везде, где могут, дороги. Вышние классы в этом народе не скрывают своего сочувствия и приверженности к России и ожидают не иначе, как с ужасом, вторжения турок»⁷⁵. Английский агент Лоуренс Олифант также свидетельствовал, что перед «носителями фесок» «всюду закрыты двери крестьянских хат. Сельчане во всем отказывают им»⁷⁶.

Многие местные жители вступили в ряды русской армии, чтобы с оружием в руках сражаться с агрессорами. В общий состав милиции (ополчения) Гурийского отряда входили конные и пешие сотни, сформированные на территории Абхазии. В Самурзаканском ее районе уже к апрелю 1854 года было создано пять таких сотен. Причем здесь, вдоль всей границы, в том числе и со стороны моря, были устроены завалы в две линии и т. д.⁷⁷

Так не оправдался расчет Турции и ее союзников использовать стихийный протест народа Абхазии, как и других кавказских народов, против колониальной политики царизма.

⁷³ Там же.

⁷⁴ Е. В. Тарле. Крымская война, т. II, М.—Л., 1950, с. 535.

⁷⁵ Цит. по: «Кавказ», 2 ноября 1855 г.

⁷⁶ Цит. по: Е. Бурчуладзе. К вопросу о роли грузинского ополчения в Восточной войне 1853—1856 гг. — «Труды Тбилисского государственного педагогического института им. А. С. Пушкина», т. VIII, 1950, с. 98.

⁷⁷ См.: Г. А. Дзидзария. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия, Сухуми, 1975, с. 149—150.

Багратион-Мухранский в официальном донесении о ходе Ингурского сражения особо отметил заслуги Черноморского линейного № 11 батальона, которым командовал подполковник С. Т. Званба. «Изложенный мною ход боя, — писал он, — как я смею надеяться, красноречивее всяких похвал доказывает, с каким геройским мужеством, с каким упорством сражались войска наши против многократно сильнеею неприятеля. Черноморский линейный № 11 батальон кровью своей и кровью врагов записал имя свое в летописях славы русского оружия. Все части, бывшие в деле, соперничали взаимно в мужестве; но, по ходу самого боя, в наилучшем блеске обнаружили это качество части, оборонявшие Норманские переправы»⁷⁸. Генерал Муравьев подчеркивал, что именно на этом месте «происходил самый сильный бой»⁷⁹. Английский советник Л. Олифант также свидетельствовал, что отпор, данный турецким войскам на Нарманиевской переправе, был самым сильным, что турки понесли здесь значительные потери⁸⁰.

Это было достигнуто действительно кровью Черноморского линейного № 11 батальона. Согласно официальным сведениям в сражении на Ингури 25 октября 1855 года, из 7 убитых здесь офицеров Гурийского отряда 3 человека падало на этот батальон, а из 412 убитых, раненых и без вести пропавших солдат — 152 человека⁸¹. «Из всех наших, — писал «Русский инвалид», — рассеянных на большом пространстве, только 11-й Черноморский линейный батальон и 2 роты 1-го Грузинского встретили войска Омер-паши при переправе их через Ингур. Жаркий бой сей, в коем, несмотря на свою малочисленность, солдаты наши три раза отбили неприятеля, вдесятеро сильнеею, и отступили в порядке, когда храбрые начальники пали от вражеских пуль, надолго останется в памяти турок»⁸².

Черноморскому № 11 линейному батальону (переименованному в № 3) и Грузинскому линейному № 1 батальону в 1858 году были вручены георгиевские знамена:

⁷⁸ АКАК, т. XI, ч. I, с. 107—108.

⁷⁹ Н. Н. Муравьев. Указ. соч., с. 296, примеч. 2.

⁸⁰ Там же, с. 298—299.

⁸¹ Там же, приложения, с. 391—392.

⁸² «Русский инвалид», 1856, № 55.

с надписью: «За отличие в сражении на р. Ингуре 25-го октября 1855 года»⁸³.

Героем-командиром этого «в высшей степени кровопролитного сражения»⁸⁴ был также Д. Г. Шервашидзе. Полковник Д. Г. Шервашидзе, доносил генерал В. О. Бибикову Муравьеву, «во время наступательных действий Омер-паша находился при войсках наших... В деле на р. Ингуре он командовал той частью войск, которая расположена была для обороны Кахатской, Норманской и Кокской переправ и куда неприятель направил главные свои силы»⁸⁵. «Героев сражения: Званбай, Иоселиани, Ивина и Кобелева, — писал К. А. Бороздин, — мы уже называли... Было бы несправедливо умолчать о начальнике кавалерии, полковнике князе Дмитрие Шервашидзе, отличившемся в этом деле... наравне с упомянутыми героями; он вышел невредимым из боя, несмотря на то, что его видели все время на коне в самой жаркой схватке, впереди командуемой им части. Званбай и Шервашидзе были абхазцы, Иоселиани — мингрелец; все трое пользовались особым уважением и доверием как своих земляков, так и своих сослуживцев, и глубоко были проникнуты русским патриотизмом, что и доказали на деле»⁸⁶.

Во время Ингурского боя отличились и другие абхазские офицеры — Григорий и Самсон Шервашидзе, Зураб Анчабадзе (Ачба), Бабишбей Маршания, которые удостоились различных наград. Они участвовали и в боевых действиях на территории Мегрелии, куда вскоре вторглись турецкие войска. Например, Д. Шервашидзе вместе с отрядами, которые преследовали и уничтожали войска противника.

Среди грузин, отличившихся во время Ингурского боя, следует еще назвать подполковника Симона Церетели, командиров имеретинских дружин (милиции) Сико Цулукидзе и Бабэ Агиашвили и др.

Золотыми буквами в историю этого кровопролитного

сражения записаны также имена капитана Панфилова, поручика Шкляревского (убит), Симонова, Кашаева и др.

По некоторым данным, С. Т. Званба, оставивший «между офицерами и солдатами лучшую память о себе», погребен в церкви Старо-Сенаки (ныне город Миха Цхакай)⁸⁷, а по иным сведениям он вместе с другими героями, павшими смертью храбрых во время Ингурского боя (Иоселиани и др.), был предан земле в с. Коки, в местности Налима⁸⁸. Здесь 25 октября 1913 года был воздвигнут памятник, на котором и сегодня можно прочесть:

СЛАВНЫМ ПРЕДКАМ-ГЕРОЯМ,
ПАВШИМ В БОЮ ПРИ РЕКЕ ИНГУР
25 ОКТЯБРЯ 1855 г.

II

В силу своего служебного положения С. Т. Званба приходилось постоянно разъезжать по Абхазии. Это давало ему возможность близко общаться с населением, изучать его быт, нравы и обычаи, накапливать этнографический материал. В одной из своих статей Званба отмечал: «Хотя в молодости я часто присутствовал при религиозных обрядах абхазского народа, но полагая, что позабыл некоторые из них», жил у пастухов, внимательно наблюдал за совершением ими религиозных обрядов, связанных со скотоводством⁸⁹. Современники подчеркивали, что С. Т. Званба был знатоком быта и обычаев населения. Так, например, К. А. Бороздин свидетельст-

⁸⁷ ИРК, ф. Е. Г. Вейденбаума, картотека (словарь) — Званба С. Т.

⁸⁸ Т. Т. Стефанов. Указ. соч., приложение, XVIII, с. 27 (Рапорт зугдидского пристава от 4 марта 1903 г.).

По данным Т. Т. Стефанова, у С. Т. Званба остался трехлетний сын Георгий. Но в материалах А. В. Пахомова Георгий уже не упоминается и сообщается, что имение С. Т. Званба перешло к его двоюродному брату Батыршаху Званба, и вдова, Нина Шереметовна, вышла замуж за сына последнего. Сухумский дом С. Т. Званба перешел к кн. Д. Г. Шервашидзе, а драндский дом был продан купцу Иордану Метакса, который перевез его в г. Сухум.

⁸³ АКАК, т. XI, ч. I, с. 321; А. Л. Гизетти. Хроника кавказских войн, ч. II, Тифлис, 1896, с. 138.

⁸⁴ К. Бороздин. Омер-паша в Мингрелии, с. 207.

⁸⁵ АКАК, т. XI, ч. I, с. 203.

⁸⁶ К. Бороздин. Указ. соч., с. 207.

вует, что Званба знал «прекрасно свою родину и ее своеобразные обычаи, весьма интересные...»⁹⁰. Но об этом лучше всего говорят статьи самого Соломона Теймурковича.

В то же время С. Т. Званба, как сообщают источники, «свободное время от службы... охотно посвящал чтению и литературным занятиям»⁹¹. Следует особо отметить знакомство Званба со специальной литературой, частично использованной в его сочинениях. Это больше всего чувствуется в очерке «Абхазская мифология». В нем автор конкретно указывает на географическое описание Грузии известным грузинским географом и историком XVIII века Вахушти Багратиони. Причем к утверждению Вахушти «...Вместо того, чтобы хоронить своих покойников, они (абхазы. — Г. Д.) одевают их в лучшее платье и оружие, запирают в ящики и ставят на деревья»⁹², Званба подходит критически, считая это ошибочным обобщением, вероятно, случая похорон человека, убитого молнией, при котором труп действительно клал на специальную вышке — ашвымкят (ашәымкәят), и лишь впоследствии кости предавали земле. Кроме того, Званба ссылается на сочинение Н. И. Ушакова «История военных действий в Азиатской Турции в 1828 и 1829 годах» (СПб., 1836, ч. I). Вместе с тем в материалах Сухумской сословно-поземельной комиссии мы находим указание о том, что С. Т. Званба был хорошо знаком с характером поземельных отношений в России⁹³.

С. Т. Званба для своего времени был образованным человеком. К. А. Бороздин, по-видимому, хорошо знавший Званба, писал, что он был «очень начитанным и развитым человеком»⁹⁴. В формулярном списке С. Т. Званба отмечено: «Российской и французской грамоте читать

⁸⁹ С. Т. Званба. Абхазская мифология и религиозные поверья и обряды между жителями Абхазии. IV. Айтар. — «Кавказ», 1855, № 82.

⁹⁰ К. Бороздин. Омер-паша в Мингрелии, с. 207.

⁹¹ АКАК, т. XII, ч. I, с. VII.

⁹² (M. Brosset) კოვზაფიულის აღწერა საქართველოს ბატონიშვილის მიერ. СПб., 1842, с. 409.

⁹³ Проект поземельного устройства населения Сухумского военного отдела, составленный сословно-поземельной комиссией (1869 г.) — ЦГИАТ, ф. 416, оп. 3, 1869 г., д. 1017, л. 83.

и писать умеет; математику, тригонометрию, алгебру, историю, географию, фортификацию, ситуацию и закон бо- жий знает»⁹⁵. Т. Т. Стефанов сообщает, что С. Т. Званба выписывал разные газеты и журналы⁹⁶. Сохранился автограф рапорта Званба от 28 августа 1845 года из укрепления Св. Духа, из которого узнаем о получении им центрального журнала «Военный сборник» за 1844 год для библиотеки ему «порученного... укрепления»⁹⁷. Все эти и другие факты свидетельствуют о широком научном диапазоне С. Т. Званба.

На развитие общественно-политических взглядов С. Т. Званба и возникновение у него интереса к изучению абхазской этнографии, несомненно, решающее влияние оказало его тесное общение с представителями переловой русской общественности.

В Дворянский полк Званба поступил в апреле 1828 года, а вообще в Петербург приехал он в 1826 году, т. е. через несколько месяцев после восстания декабристов, когда русское общество находилось еще под живым впечатлением жестокой расправы с отважными дворянскими революционерами, и жил здесь до 1832 года. Все это время он был в постоянном контакте с К. Г. Шервашидзе, пребывавшим в Пажеском корпусе. Это была значительная фигура в истории культуры и общественной мысли Абхазии⁹⁸. В столице молодой Шервашидзе знакомится с идеями декабристов, а также с передовыми русской и европейской культурами. Он общался со многими замечательными личностями, в том числе с представителями учившейся здесь революционно настроенной грузинской молодежи — Вахтангом и Александром Орбелиани, Элизбаром Эристави и др. Это последнее обстоятельство приводит его к участию в дворянском заговоре 1832 года в Грузии, являвшемся выражением протеста против колониальной политики царского самодержавия.

⁹⁴ К. Бороздин. Омер-паша в Мингрелии, с. 207; см. также его соч. «Кавказские воспоминания, Мингрелия и Сванетия с 1854 по 1861 год» (СПб., 1885, с. 27—28).

⁹⁵ Формулярный список С. Т. Званба 1855 года, с. 25.

⁹⁶ Т. Т. Стефанов. Указ. соч., с. 205.

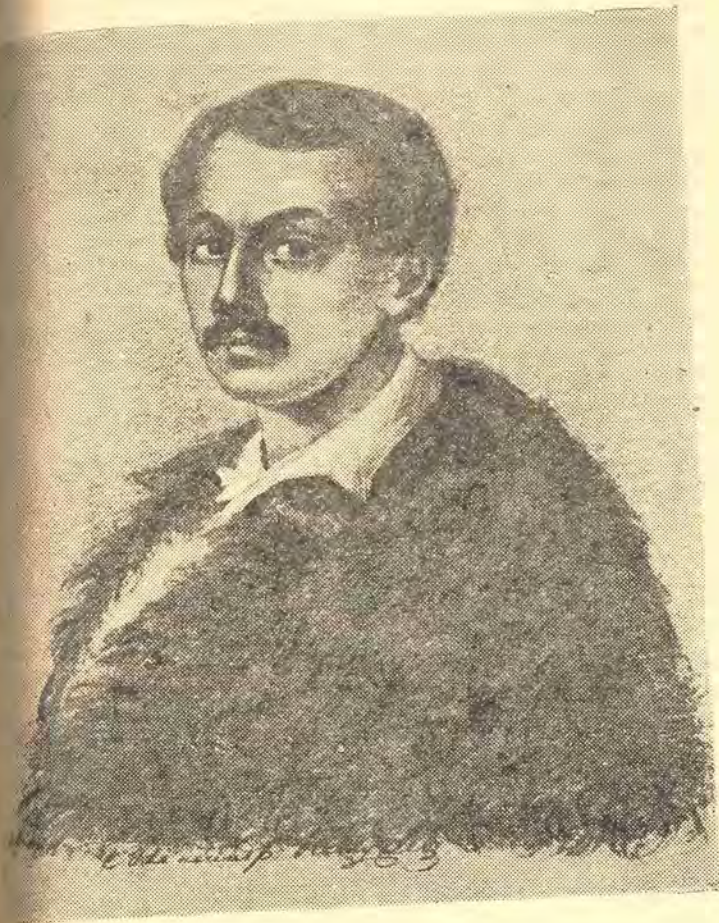
⁹⁷ ИРК, ф. Е. Г. Вейденбаума, д. 1882/347, лл. 283—284.

⁹⁸ См.: Г. А. Дзидзария. Формирование дореволюционной абхазской интеллигенции, Сухуми, 1979, с. 26 и сл.

После незабываемой жизни в Петербурге, где один величественный архитектурный пейзаж «младшей столицы» пушкинской поры держал С. Званба в постоянном трепетном состоянии, оказывая глубокое влияние на его эстетическое воспитание, С. Т. Званба все время находился в рядах Кавказской армии. И здесь он имел возможность общаться с отдельными передовыми людьми России, в том числе с декабристами и их единомышленниками, сосланными в эту «теплую Сибирь». При этом была особенно благодатна служба переводчика, которая неизбежно вводила формирующегося интеллигента в новый круг лиц и интересов, и этот круг, наиболее отвечающий культурным запросам Званба, сильно занимал его.

На Черноморской береговой линии, в частности, где непосредственно служил С. Т. Званба, с 1837 по 1841 год находился Н. Н. Раевский (младший) в качестве его командира. Это был друг А. С. Пушкина, человек декабристского круга. В отряде Раевского находились декабристы А. И. Одоевский, Н. Н. Лорер, М. М. Нарышкин, Н. А. Загорецкий, В. Н. Лихарев, А. И. Черкасов, В. С. Толстой, М. А. Назимов и К. Г. Игельстром, а до этого в пределах Абхазии пребывали В. П. Романов, братья Александр и Павел Бестужевы, А. А. Фок, С. И. Кривцов, В. С. Норов, В. Д. Вольховский. С некоторыми из них и другими лицами (Ф. Ф. Торнау, И. К. Айвазовским, М. В. Ахундовым, Б. Г. Чилиевым (Чилашвили), П. К. Усларом и т. д.) С. Т. Званба встречался и общался. В общественное окружение С. Т. Званба, несомненно, входили и польские революционеры В. И. Багриновский, Ф. Я. Лисовский, А. Ф. Тржасковский и К. И. Зак, которые в 20—30-х годах были сосланы на Кавказ и служили главным образом в Абхазии.

При этом следует выделить декабриста-писателя А. А. Бестужева-Марлинского, как представляющего особый интерес с точки зрения выяснения расширения научных интересов Званба. Бестужев, как известно, был прекрасным знатоком этнографии. Более того, он сыграл важную роль в развитии русского кавказоведения. И такой человек не мог, разумеется, не «заметить» С. Т. Званба — знатока абхазов, их нравов, обычаев и традиций, тем более, что с ним он некоторое время служил в одной

воинской части. Важен и такой факт. В период Крымской войны известный русский кавказовед П. К. Услар, впоследствии успешно занимавшийся исследованием абхазского языка, по сообщению Л. Г. Загурского, в Абхазии «успел на досуге набросать ценные этнографические заметки»⁹⁹. Услар, как мы видели, являлся начальником штаба Гурийского отряда и, между прочим, оставил обширную Записку о действиях этого отряда во время Ингурского боя, в которой дается описание и героизма С. Т. Званба¹⁰⁰. Надо полагать, что именно последний способствовал полковнику П. К. Услару в указанном научном занятии.

Все это было подтверждением того известного положения, что близкое общение русских с народами Кавказа приводило к тому, что из среды последних выделялись интеллигентные люди, с интересом относившиеся к быту своего народа. Уже в 40-х и 50-х годах можно назвать ряд выходцев из местных национальностей, сделавших свой вклад в этнографическое изучение кавказских народов. К числу их из представителей горских народов Кавказа относятся: черкес Хан-Гирей, кабардинец Шора Бекмузин Ногмов, осетин Соломон Жускаев. И абхаз Соломон Званба¹⁰¹.

Вместе с С. Т. Званба служили и некоторые грузинские офицеры, с которыми он был в близких отношениях. Так, в 50-х годах в составе войск Черноморской береговой линии находились упомянутый выше Р. И. Иоселани, подполковник С. И. Коркия и князь Егор Микеладзе. А задолго до этого, в 1837 году, командующим войсками в Абхазии являлся подполковник Б. Г. Чияев (Чилашвили) — видный деятель грузинской культуры первой половины XIX века. Кстати, он был связан со многими декабристами, в первую очередь с А. А. Бестужевым-Марлинским, с которым воспитывался в Горном кадетском корпусе¹⁰². Генерал И. К. Багратион-Мухранский, начальник Гурийского отряда, хорошо знал С. Т. Званба и высоко ценил его. Об этом свидетель-

ствует, например, его записка о владениях Д. Г. Шервашидзе, составленная в 60-х годах, в которой он приводит некоторые детали из биографии С. Т. Званба. А в «Подобном описании дела, бывшего 25 октября 1855 года на Ингуре при вторжении Омер-паши в Мингрелию»¹⁰³, Багратион-Мухранский несколько раз упоминает имя С. Т. Званба и в другом документе, где с глубокой скорбью говорит о его гибели, называет Званба «храбрым подполковником»¹⁰⁴.

Кроме того, С. Т. Званба был тесно связан с Николаем (Эмином) Шакрылом и Дмитрием Шервашидзе¹⁰⁵. Шакрыл являлся ближайшим другом Соломона Званба. Они вместе начали военную службу и вскоре из них вышли «прекрасные офицеры, ничем не отстававшие от своих русских товарищей»¹⁰⁶. Затем они оба находились при дворе владетеля Абхазии в качестве переводчиков и проводников. Шакрыл владел несколькими языками (абхазским, русским, турецким, черкесским); «зная основательно свою родину», много помог, как и Званба, русскому офицеру Ф. Ф. Торнау¹⁰⁷, от которого «в продолжении многих месяцев не отступал... ни на шаг»¹⁰⁸, в сборе физико-географических и историко-этнографических и статистических сведений об Абхазии¹⁰⁹, а также в деле знакомства его с «языками и наречиями, находящимися в употреблении за Кубанью»¹¹⁰.

Что же касается Д. Х. Шервашидзе, то он выделялся своими незаурядными способностями, учился в свое время в Тифлисской гимназии, увлекался литературой, прекрасно писал по-русски и грузински. Одним словом, это был, по свидетельству современников, «один из умнейших людей Абхазии»¹¹¹.

¹⁰³ ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1863, д. 180, лл. 2—8.

¹⁰⁴ См.: АКАК, т. XI, ч. I, с. 107—110.

¹⁰⁵ О них: Г. А. Дзидзария. Формирование дореволюционной абхазской интеллигенции, с. 48—52.

¹⁰⁶ Ф. Ф. Торнау. Указ. соч., ч. 1, с. 41.

¹⁰⁷ См.: Г. А. Дзидзария. Ф. Ф. Торнау и его кавказские материалы XIX века, М., 1976.

¹⁰⁸ Ф. Ф. Торнау. Указ. соч., с. 76; ЦГВИА, ф. 548, оп. 3, д. 21, л. 103.

¹⁰⁹ Сведения эти вошли в названную книгу Ф. Ф. Торнау.

¹¹⁰ Ф. Ф. Торнау. Указ. соч., с. 72, 112.

¹¹¹ С. Эсадзе. Историческая записка об управлении Кавказом, т. I, Тифлис, 1907, с. 151.

⁹⁹ Л. Г. Загурский. Указ. соч., с. XVI.

¹⁰⁰ См.: АКАК, т. XI, ч. I, с. 231—255; КС, 1880, т. V, с. 235—333.

¹⁰¹ С. А. Токарев. История русской этнографии (дооктябрьский период), М., 1966, с. 230—231.

¹⁰² См.: Г. А. Дзидзария. Декабристы в Абхазии, с. 63—64.

Будучи военным и уделяя основное время своим служебным обязанностям, притом в чрезвычайно напряженный период истории Кавказской армии, и прожив сравнительно короткую жизнь, С. Т. Званба, естественно, не мог отдать много времени науке. Тем не менее он, оттрубивая в тифлисской газете «Кавказ»¹¹², опубликовал несколько очерков. Имеются сведения, что они являются лишь частью его сочинений¹¹³.

Подтверждением этого является не так давно установленный нами факт авторства С. Т. Званба в отношении рукописи «О Гагре и джигетах»¹¹⁴, хранящейся ныне в Рукописном отделе Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Это исключительно ценная работа, содержащая фактический материал о жизни и месте обитания садзов (джигетов) — западноабхазских племен, исчезнувших почти целиком из родного края в результате махаджирства 60-х годов XIX века.

Указанная анонимная рукопись носит в основном географо-этнографический характер. Из ее чтения вытекает следующее предположение об авторе: прежде всего, он подходит к своей записке не как к обычной официальной справке военного значения — в ней чувствуется и определенный научный интерес составителя. Обращает на себя внимание также тот факт, что документ не имеет адресата и оформлен скорее как самостоятельная работа. Во-вторых, аноним проявляет опытность и детальное знание региона — в частности, что особенно важно, внутренней жизни садзского общества, а также более или менее точность в фиксации топонимических и антропонимических данных, отмечая в отдельных случаях, в скобках, их абхазское произношение или соответствующие эквиваленты, а иногда и комментируя их. Наконец, анализ текста приводит и к тому выводу, что его автор не случайный, а долговременный наблюдатель.

¹¹² Надо сказать, что «Кавказ» стимулировал вступление на литературно-этнографическое поприще ряда представителей кавказских народов (см.: М. О. Косвен. Материалы по истории этнографии Кавказа в русской науке. — КЭС, 1, с. 321).

¹¹³ См.: АКАК, т. XII, ч. I, с. VII.

¹¹⁴ См.: Г. А. Дзидзария. Махаджирство..., с. 80.

Таким в ту пору мог быть прежде всего С. Т. Званба, который, ко всему прочему, с 1842 по 1850 год был в должности джигетского (садзского) пристава, а в конце этого периода еще и в качестве военного начальника (команданта) пункта Св. Духа (Адлер) — центра Джигетов. Надо также иметь в виду его очерк «Зимние походы Джигетов на Абхазию», о котором речь пойдет ниже и который кое в чем созвучен рассматриваемой работе.

Другим лицом, кто мог бы «претендовать» на авторство рукописи, является Ф. Ф. Торнау. Он еще в середине 30-х годов довольно подробно описал значительную часть территории Западного Кавказа, в том числе земли Джигетов и садзов¹¹⁵. Торнау появляется здесь вторично в 1840 году, в составе отряда ген. Н. Н. Раевского, но не надолго и в другом качестве. Причем его пребывание в этом случае ограничивается территорией между реками Псеузапе и Туапсе¹¹⁶, что довольно далеко от Джигетов. Даже простое сравнение географических номенклатур и местных фамилий, содержащихся в анонимной рукописи и в материалах Торнау, обнаруживает разноречивое. Это относится и к стилю изложения. Наконец, и, главное, самое убедительное, — рассматриваемая рукопись не является автографом, а представляет из себя писарскую копию, написанную, как нам кажется, одним почерком с упомянутым выше рапортом С. Т. Званба от 28 августа 1845 года. Кроме того, заглавие анонимной рукописи и небольшая приписка на ее полях в конце написаны другим, «обычным» почерком, совершенно не похожим на хорошо известный нам автограф Торнау, но во многом совпадающим с почерком Званба.

Серьезным «соперником» Званба можно было бы считать еще и Ф. Я. Лисовского, сосланного сюда в начале 30-х годов польского революционера, который изучал окрестности Гагры в топографическом отношении¹¹⁷ к тому же в 1842 году дважды совершил переход через Главный Кавказский хребет из Абхазии на Лабинскую линию¹¹⁸. Однако и к нему почти целиком применимо то,

¹¹⁵ См.: Г. А. Дзидзария. Ф. Ф. Торнау и его кавказские материалы...

¹¹⁶ См.: ЦГВИА, ф. 400, оп. 173, 8 отд., 2 стол., 1890 г., д. 37, л. 17—18.

¹¹⁷ См.: ГАКК, ф. 249, оп. 1, д. 3029, лл. 30—31.

¹¹⁸ См.: ЦГВИА, ф. 14719 (548 гр.), оп. 2, д. 910, лл. 1—10.

что сказано выше в отношении авторства Торнау, которому он ко всему прочему уступает не только своим узко-профессиональным подходом, но и локальностью изучаемого объекта. Еще менее вероятна принадлежность рассматриваемой рукописи другим лицам (И. В. Шаховскому, И. И. Нордестаму и т. д.).

Теперь о датировке рукописи. Одна дата нами уже названа — 1845 год. Во-вторых, в архивной описи документа имеется отметка, также указывающая на 40-е годы. В-третьих, в рукописи говорится о 1837 году как о несколько отдаленном времени. Наконец, в ней отмечается, что в год ее составления, 27 февраля, джигетцы перешли р. Бзыбь, в верховьях, и совершили нападение на село Дурубши (Дурипш?). По другим данным, в конце января 1846 года «довольно сильная партия» убыхов вторглась в пределы Абхазии, при этом часть ее перешла Бзыбь и напала на одно из сел, расположенных в верховьях этой реки¹¹⁹. По всей вероятности, здесь речь идет об одном и том же факте.

Таким образом, есть основание датировать рассматриваемый материал серединой сороковых годов XIX века. Кстати, тогда Торнау давно уже не было на Западном Кавказе, Лисовский же был отвлечен другими делами (с 1837 года пристав в Цебельде, в 1842—1843 годах занят изучением Сванетии и ее описанием, в 1847 году уволен от службы), а Званба, как уже отмечалось, находился в Джигетии в качестве пристава.

«О Гагре и джигетах» — единственная сохранившаяся рукопись С. Т. Званба. Его архив, к сожалению, остается неразысканным.

Но и то, что дошло до нас из научного наследия С. Т. Званба, достаточно ясно свидетельствует о его глубоких познаниях в вопросах истории и этнографии Абхазии, о его методе работы и исследовательском опыте.

Первая печатная работа С. Т. Званба — «Зимние походы убыхов на Абхазию» — была опубликована в 1852 году («Кавказ», № 33). Подчеркивая значение этого труда для современной науки, профессор М. О. Косвен писал, что она «осталась и по сие время единственной специальной статьей об этом народе»¹²⁰. В ней даются

¹¹⁹ См.: Там же, ф. ВУА, д. 6597, лл. 10, 13.

¹²⁰ М. О. Косвен. Указ. соч., с. 356.

сведения о военном строе убыхов (это главное содержание статьи) и частично о боевых качествах абхазов, а также сообщаются отдельные факты об их пище и одежде¹²¹.

Как уже отмечалось, по соседству с убыхами в 30-х годах было образовано Джигетское (Садзское) приставство, приставом которого был назначен С. Т. Званба. Работы «Зимние походы убыхов на Абхазию» является результатом его непосредственных наблюдений и изучения жизни убыхов, а также личного участия в различных военных экспедициях Кавказской армии на территории убыхских племен. Действительно, убыхи часто совершали организованные нападения на Абхазию с целью грабежа, угона скота и пленных. Однако отметим, что, во-первых, такие нападения совершались и со стороны Абхазии, во-вторых, в том и другом случае это было делом рук представителей привилегированной части общества. Кроме того, приход убыхских отрядов в Абхазию не всегда был проявлением «неугомонной страсти к приключениям и грабегам». Часто такие взаимопосещения происходили в мирных целях.

В 1852 же году был напечатан небольшой очерк С. Т. Званба «Обряд жертвоприношения святому победоносцу Георгию, совершаемый ежегодно абхазами» («Кавказ», № 90). В нем дается подробное описание обрядов, связанных с жертвоприношением в честь Георгия Илорского. Оно выполнено очень тщательно. Однако неточным является утверждение, что указанное жертвоприношение совершалось каждым абхазом. Правда, Илорский храм¹²², как в Абхазии, так и почти во всей Западной Грузии пользовался особой известностью и играл значительную роль в деле одурманивания населения.

¹²¹ Убыхи занимали часть Черноморского побережья, между реками Хоста и Шахе. Этнически и лингвистически они составляли промежуточное звено между абхазами и адыгами (черкесами) и занимали особое место в западной группе народов Кавказа. Убыхи также почти целиком выселились в Турцию.

¹²² Илорский храм находится в 4 км к востоку от г. Очамчыра, дата его основания относится примерно к XIII—XIV вв. Построенный из сцементированного известковым раствором булыжника, храм имеет прямоугольную форму, покрыт двухскатной крышей, с фронтонами на запад и на восток. (Подробнее см.: А. Кация. Илори. Сухуми, 1963).

Но Илорский храм или Елырных¹²³, как называют его абхазы, был лишь одним из известных центров религиозной жизни. В Абхазии он особенно почитался в Абухуйской и Самурзаканской (современные Очамчирский и Гальский районы) частях края. Храм возник, по всей вероятности, на том же самом месте, которое древним населением считалось жилищем какого-то языческого божества¹²⁴.

Несколько слов об Аерге — одном из главных и древнейших абхазских божеств, упоминаемом в статье С. Т. Званба. До сих пор в литературе нет единого мнения об этом божестве. А. М. Дирр склонен отождествлять Аерга с божеством молнии и грозы — Афы¹²⁵. А. Н. Введенский определял Аерга как бога воров и разбойников¹²⁶, что является односторонним и потому неверным, а между тем оно было подхвачено многими авторами¹²⁷.

Действительно, Аергь в известной мере сближается как с Ажвейпшаа, так и с Афы, которые иногда в понятиях абхазцев даже смешиваются, выполняя одинаковые функции. И все же Аергь имеет свое самостоятельное значение. Д. И. Гулиа разграничивает эти божества; по его совершенно правильному определению, «единственным подлинным и древним языческим именем абхазского бога охоты надо признать «Ажэицъшаа» («Ажвейпшаа»)¹²⁸. В народных сказаниях и в песнях «Аергь-ашэа» и «Ажэицъшаа-рашэа («Песня об Аерге» и «Песня Ажвейпшаа») Аергь и Ажвейпшаа выступают вместе, но противостоят друг другу как самостоятельные божества и часто наделены различными функциями.

Аергь представляют иногда в образе всадника¹²⁹, ко-

¹²³ Аныха — икона, святыня, священное место.

¹²⁴ В Абхазии, кроме Илорской «святыни», известны: в с. Лыхны — Лыхных, в с. Лдзаа (Пицуна) — Лдзааныха, в с. Ачандара — Ачыпсныха, в с. Аацы — Айргныха, в с. Блабурхва — Лапырныха, в с. Джирхва — Чугурныха и др.

¹²⁵ А. М. Дирр. Абхазские слова. Заключение. — СМОМПК, в. 44, с. 22.

¹²⁶ [А. Н. Введенский]. Религиозные верования абхазцев. — ССКГ, 1871, вып. V, отд. III, с. 17.

¹²⁷ Г. Ф. Чурсин. Ерги. — ЛОААН, ф. 800, оп. 6, д. 513.

¹²⁸ Д. И. Гулиа. Божество охоты и охотничий язык у абхазов. Сухуми, 1926, с. 6. Много интересного об Аирге и Ажвейпшаа и в книге А. А. Аншба «Абхазский фольклор и действительность» (Тбилиси, 1982).

¹²⁹ Г. Ф. Чурсин. Ерги, л. 168.

торый, быть может, сближается с известным изображением Георгия Победоносца. Что же касается названия «Аергь», то существующие толкования на этот счет пока не решают вопроса. С. Т. Званба, а за ним некоторые другие авторы это название отождествляют с Георгием, исходя из абхазской транскрипции последнего — Гьаргь. Во всяком случае несомненно то, что древнейшее абхазское языческое божество Аергь гораздо старше христианского Георгия. Если между изображениями Аерга и Георгия в образе всадников имеется какая-нибудь связь, то подобное представление, как это бывает очень часто, могло сложиться и в более позднюю эпоху. Следует также иметь в виду, что Аергь связывается не только с Илорской, но и с другими «святынями» (Аергь-Аацныха, Аергь-Лапырныха, Аергь-Чугурныха).

В 1853 году появилась статья С. Т. Званба «Поцелуй за занавесом» («Кавказ», № 55), которая в 1854 году в немецком переводе была помещена в «Archiv für wissenschaftliche Kunde von Russland» (XIII, 3). О цели этой работы автор писал следующее: «Взглянув на заглавие этой статейки, читатель может подумать, что я хочу рассказать о какой-нибудь закулисной интриге. Чтобы не заставить его обмануться, я должен объяснить, что дело идет о свадебном обычае абхазцев».

А. А. Миллер еще в 1907 году отмечал, что свадебный обряд абхазцев сильно изменился, «насколько можно судить по описанию г. Званба. Теперь свадебный обряд сопровождается пиршеством, танцами, скачками и стрельбой в цель, но любопытные черты, отмеченные в обряде Званбаем, уже исчезли»¹³⁰.

С. Т. Званба дает прекрасное описание двух основных видов абхазских жилищ: асасаирта (асасаирта) — гостинная и амхара (амхара) — брачное помещение. При этом он делает очень важное сообщение, указывая на факт наличия амхары в доме родителей невесты, какой порядок давно уже не существует в этнографическом быту абхазцев¹³¹. Особо обращает на себя внимание занавес, который вывешивали в амхаре, причем

¹³⁰ А. Миллер. Из поездки по Абхазии в 1907 г. — Материалы по этнографии России, т. I, СПб., 1910, с. 65.

¹³¹ Этот вопрос в литературе надо считать решенным после выхода работы Ш. Д. Инал-Ипа «Очерки по истории брака и семьи у абхазов» (Сухуми, 1954).

только в амхаре невесты, ожидающей жениха. Уже давно абхазская этнографическая действительность также не помнит обычая, связанного с занавесом. Видимо, во времена С. Т. Званба, т. е. еще в середине XIX века, он существовал как пережиток древних брачных норм, как символ вселения мужчины в дом жены и их уединения в особое брачное помещение. С. Т. Званба совершенно правильно отмечает тот факт, что в разрешении брачного вопроса широко участвовали коллективы и роды брачащихся сторон, но не выясняет причины этого явления. Дело в том, что брак не был частным делом двух субъектов, так как браком связывались определенными отношениями два рода.

В 1855 году была опубликована последняя и самая значительная работа С. Т. Званба — «Абхазская мифология и религиозные поверья и обряды между жителями Абхазии» («Кавказ», №№ 81—82). В 1856 году она была перепечатана в названном выше „Archiv..." (XV, 4), а в «Журнале Министерства народного просвещения» (1856, ч. XC, № 4, отд. VI, с. 31, 41) была помещена рецензия с кратким извлечением из этой статьи. Затем, в 1867 году, «Абхазская мифология» с незначительными изменениями редакционного характера вновь была перепечатана полковником Ф. А. Завадским под названием «Очерк абхазской мифологии» («Кавказ», 1867, №№ 74—76)¹³².

¹³² При внимательном сличении обеих редакций этой статьи выясняется, что Завадский в ряде мест допускает произвольные сокращения и изменения, отрицательно отражающиеся на качестве материалов. Например, в словах о том, что у абхазов, «как и у язычников, остались христианские понятия», во второй редакции исправлено так: у абхазов, «как и обратившиеся в язычество, остались христианские понятия». Здесь не просто стилистическое исправление, но и смысловое, причем утверждение Завадского, безусловно, ошибочно. Правильно записанные С. Т. Званба наименования: абжыха, абна-инчваха, гоутану (еще точнее — готануа), каланда и мумырах — Завадский везде искажает, передавая их: абисныха, ананываху, гаутану, коланда и нумыр-ах. Текст песни «Дзюу» в статье «Абхазская мифология», очень сильно искаженный, несомненно, по вине редакции газеты «Кавказ», Завадский не только не исправил удовлетворительно, но и в свою очередь внес новые искажения. Заметим еще, что на с. 8 (примеч. 7) статьи А. Н. Введенского «Абхазцы (азега)». По поводу сочинения Г. Дубровина: «Очерк Кавказа и народов его населяющих», помещенного в VI выпуске ССКГ за 1872 год, датой переиздания работы С. Т. Званба «Абхазская мифология» Завадским ошибочно (очевидно, опечатка) называется 1861 год.

В Институте рукописей им. К. С. Кекелидзе Академии наук Грузинской ССР, в фондах ROS (№ 293) и Е. Г. Вейденбаума (д. 1401), хранятся копии статьи С. Т. Званба «Абхазская мифология», написанные различными почерками под названием «Краткий очерк мифологии абхазской». Последняя статья бывшего командира Черноморского линейного № 11 (ныне № 3) батальона, подполковника Званбая». В первом случае имеется следующая приписка Вейденбаума: «Печатные статьи Званбая: 1. Абхазская мифология и религиозные поверья и обряды между жителями Абхазии (из заметок природного абхазца) Соломона Званбая, 1855, №№ 81, 82. 2. Очерк Абхазской мифологии Званбай. Кавказ, 1867 г., №№ 74, 75 и 76. Это та же статья, что и в Кавказе 1855, но дополненная и с измененной орфографией. Во втором случае материал заверен майором Завадским».

Рассматриваемая работа С. Т. Званба, составляющая «значительный вклад в абхазоведение»¹³³, в руках специалистов всегда являлась и является весьма ценным материалом в изучении мифологии и религии абхазов. В ней автор затрагивает целый ряд очень важных вопросов. Опираясь в основном на свои собственные наблюдения и полевой историко-этнографический материал, он дает описание главнейших абхазских божеств (Ажвейпшаа, Айтар, Джаджа и др.) и связывавшихся с ними явлений и обрядов.

При этом, однако, С. Т. Званба в известной мере умалывает степень распространения в Абхазии (в первой половине XIX века) пронесенного через века мусульманской агрессии христианства, имевшего здесь глубокие корни и большие традиции. Он утверждает, что будто бы во все молитвы и религиозные обряды абхазы включали владетеля и своих помещиков. Между прочим, по поводу приводимой С. Т. Званба в статье «Поцелуй за занавесом» молитвы: «Переверни вверх ногами всех тех, которые лишают и тем отбивают нас от занятия хозяйством», А. Н. Введенский замечал, что под словами «всех тех», напротив, подразумеваются владельцы. Из этой молитвы видно, писал он далее, «какими чувствами дарили вообще зависимые своих владельцев»¹³⁴.

¹³³ М. О. Косвен. Указ. соч., с. 356.

¹³⁴ А. Н. Введенский. Абхазцы (азега)..., с. 10, примеч. 9.

Говоря об обряде «готануа» (а не «гоутануа»), С. Т. Званба упускает его абхазское наименование «шарпныха» («шарпныха») — «утреннее моление», хотя мегрельское название («готануа») «больше в обиходе». Ко времени выхода работы Н. С. Джанашиа «Религиозные верования абхазов» («Христианский восток», Пг., 1915, т. IV, вып. 1) этот обряд сохранился лишь у некоторых родов.

Текст песни «Дзиоу» (у Званба неправильно: «Дзэу») искажен очень сильно. Даже запятые проставлены так, что местами разделяют одно слово на две части. Например, «ах ипа (ах иџа)» (сын владыки или владельца) записано: «ах, и па». В исправленном виде текст, приводимый С. Т. Званба, выглядит так: «Дзиоу, Дзиоу, дзари кваква, мыркылд апшь, ах ипа (по другому варианту: ах ипха (ах иџха) — дочь владыки или владельца) дзыща дакыит, дзы хучык». Но это лишь часть песни. Вот ее продолжение: «Хучык азы дахзытиуам, дук азыха дахтиуент» (хучык азы дахзытиуам, дук азыха дахтиуент), т. е. «из-за малости не можем отдать, за большую (при обилии) отдадим». Песня древнего происхождения, и текст очень трудный, отдельные слова некоторыми исследователями понимаются различно (См.: *ა. ჯავახიშვილი. ქართველი ერის ისტორია. ტ. I. თბილისი, 1979, 119—120; Н. Я. Марр. О религиозных верованиях абхазов. — Н. Я. Марр. О языке и истории абхазов. — М.—Л., 1938; Н. С. Джанашиа. Абхазский культ и быт. — Н. С. Джанашиа. Статьи по этнографии Абхазии, Сухуми, 1960, с. 62—63; Ф. Чурсин. Указ. соч., с. 114—116 и др.). Первод С. Т. Званба носит характер догадки.*

IV

Вряд ли стоит подходить к оценке научного уровня работ С. Т. Званба с современными критериями и искать в них всесторонний анализ. Необходимо отметить и то, что его познания в ряде случаев отражают мировоззрение господствующего класса. Не лишены они и отдельных погрешностей в описательной части. Здесь как раз сказалось отсутствие у Званба специальной подготовки и достаточного запаса времени, а также условий для

углубления своих знаний в деле изучения истории и этнографии Абхазии.

Тем не менее работы С. Т. Званба, как уже подчеркивалось, заслуживают самого серьезного внимания и сохраняют свое значение по сей день. До появления статей Званба фактически не было ни одной работы, которая бы сколько-нибудь удовлетворительно освещала ту или иную проблему абхазской этнографии. Сочинения С. Т. Званба представляют интерес и с точки зрения выявления тех религиозных предрассудков, которые связывали абхазский народ, мешали его развитию. В ряде случаев описания Званба вскрывают реакционную сущность всевозможных суеверий, религиозных обрядов, обычаев и праздников, а иногда автор иронизирует над «чудодейственностью» того или иного божества (Шашвы-абжныха, св. Георгия). Однако эта критика проводилась с позиции христианской морали.

Работы С. Т. Званба, высоко оцененные еще в XIX веке, способствовали тому, что на изучение Абхазии стали обращать внимание не одни только любители сенсационных сообщений, но и серьезные авторы. Они сыграли значительную роль в истории изучения этнографического быта абхазского народа. В этом отношении особое значение имело появление первого издания настоящей работы в 1955 году под названием «Этнографические этюды»¹³⁵. Но следует отдать должное прежде всего газете «Кавказ», благодаря которой сохранилось для истории основное научное наследие С. Т. Званба, как и некоторых других авторов¹³⁶. А до этого, с 1828 года, в Тифлисе же издавалась газета «Тифлиссские ведомости» — первая русская пресса на Кавказе, в которой также печатался большой и разнообразный материал о кавказских горцах. Способствовала она, в частности, плодотворным контактам между передовыми деятелями России и Кавказа¹³⁷.

Приведем обзор работ, для которых сведения С. Т. Званба явились источниками основными или час-

¹³⁵ См. рецензию Г. А. Сергеевой в журнале «Советская этнография», 1957, № 2, с. 183—184.

¹³⁶ См.: М. О. Косвен. Указ. соч., с. 321.

¹³⁷ См.: Д. Л. Ватейшвили. Русская общественная мысль и печать на Кавказе, М., 1973, с. 239, 340, 355, 445.

тичными, а также работ тех авторов, которые дают отзывы и замечания о трудах нашего ученого. К. Чернышев в статье «Еще об Абхазии», помещенной на страницах «Кавказа» в 1854 году (№ 81—83), черпает сведения о свадебных обычаях абхазов из работы С. Т. Званба «Поцелуй за занавесом». А. И. Лаврентьев при составлении «Статистического описания Кутаисского генерал-губернаторства» широко использовал «Абхазскую мифологию» С. Т. Званба и, характеризуя абхазские языческие верования, оговаривает: «Сведения эти заимствованы из статьи г. Званбая: «Абхазская мифология и проч...» А в предисловии он также отмечал: «Я нашел много любопытных сведений в статьях... Абхазская мифология и проч.»¹³⁸

В газете «Кавказ» от 12 января 1868 года была помещена статья «О положении Абхазии в религиозном отношении», принадлежавшая, по-видимому, перу А. Н. Введенского. И этот автор считал необходимым оговорить, что он находит «излишним распространяться про абхазскую мифологию; желающие с нею познакомиться могут обратиться к статье г. Званбая «Абхазская мифология и проч...» Тот же Введенский в 1871 году в пятом выпуске «Сборника сведений о кавказских горцах» поместил статью под названием «Религиозные верования абхазцев». Хотя сам автор, будучи «непосредственным наблюдателем быта абхазцев», привлекает интересный материал, но, как справедливо замечает и редакция сборника, он лишь пополняет сведения С. Т. Званба. «До сих пор, — говорится в редакционном примечании, — наиболее достоверными сведениями о божествах абхазцев мы обязаны абхазцу же, г. Званбаю...»¹³⁹ Академик Н. С. Державин также подчеркивает, что указанная статья А. Н. Введенского служит дополнением к «Очеркам абхазской мифологии» С. Т. Званба¹⁴⁰.

А. Н. Введенский, высоко ставя авторитет С. Т. Званба как этнографа, который, по его мнению, дает «правдивые», «самые точные сведения о своих соплеменни-

¹³⁸ Статистическое описание губерний и областей Российской империи. Т. XVI. Кавказский край, ч. 5, Кутаисское генерал-губернаторство. СПб., 1858, с. IX, 261—263, 266.

¹³⁹ ССКГ, 1871, вып. V, отд. 111, с. 1.

¹⁴⁰ Н. Державин. Абхазия в этнографическом отношении. — СМОМПК, 1907 г., в. 37, с. 1.

ках», совершенно правильно отмечает, что Званба в известной мере проявляет узкоклассовый подход в вопросе о сословных правах населения Абхазии — «самой слабой ступене всех лиц привилегированных сословий, к числу которых принадлежал г. Званбай». При этом Введенский крайне сожалеет, что все, что С. Т. Званба «успел написать, относится только к религиозному состоянию и поверьям абхазцев»¹⁴¹. Но в последнем своем утверждении критик не был прав, так как С. Т. Званба, как уже отмечалось, занимался и другими проблемами абхазской этнографии — в частности, свадебными обычаями, которые, как констатировал К. Чернышев еще в 1854 году, «весьма подробно и занимательно изложены г. подполковником Соломоном Званбаем...»¹⁴². Мы уже не говорим о статье Званба об убыхах, также высоко оцененной в литературе.

Академик Н. Ф. Дубровин в своей известной «Истории войны и владычества русских на Кавказе», в разделе, который, как отмечает один из его критиков, является самым точным и верным¹⁴³, детально использовал работу С. Т. Званба о «религиозном состоянии», поверьях и обычаях абхазов¹⁴⁴, а также статью об убыхах, которую он почти целиком изложил в указанной монографии¹⁴⁵. В числе основных работ, касающихся абхазов, обративших на себя внимание Н. Ф. Дубровина, были и статьи С. Т. Званба¹⁴⁶. Сам Дубровин в своем обширном библиографическом указателе к названному сочинению рекомендовал «Абхазскую мифологию» С. Т. Званба как работу, которая «по своей важности должна служить главным материалом» при изучении быта и общественной жизни абхазов¹⁴⁷.

¹⁴¹ А. Введенский. Абхазцы (азега). По поводу сочинения г. Дубровина: «Очерк Кавказа и народов его населяющих». — ССКГ, 1872, вып. VI, с. 8—9.

¹⁴² К. Чернышев. Еще об Абхазии. — «Кавказ», 1854, № 83.

¹⁴³ А. Введенский. Абхазцы (азега)..., с. 8—10.

¹⁴⁴ Н. Дубровин. История войны и владычества русских на Кавказе, т. I, кн. II. СПб., 1871, с. 16—18, 23—30, 38—39, 47—49.

¹⁴⁵ Там же, кн. I, с. 254—258.

¹⁴⁶ А. Введенский. Абхазцы (азега)..., с. 7.

¹⁴⁷ Н. Дубровин. Указ. соч., т. I, кн. III, с. 3.

В упомянутом указателе перечислены и все другие работы Званба: на с. 70 — «Зимние походы убыхов на Абхазию», на с. 161 — «Обряд жертвоприношения святому победоносцу Георгию», на с. 267 — «Поцелуй за занавесом».

В справочном систематическом каталоге о Кавказе М. М. Миансарова, в списке литературы по этнографии Абхазии, указываются все работы С. Т. Званба, а также краткое извлечение из «Абхазской мифологии»¹⁴⁸. В 1889 году К. Д. Мачавариани выступил со статьей «Религиозное состояние Абхазии»¹⁴⁹, в которой при описании религиозных верований абхазов базируется на работах С. Т. Званба и А. Н. Введенского. Работы этих двух авторов послужили важнейшими источниками и М. Г. Джанашили при составлении этнографического очерка «Абхазия и абхазцы»¹⁵⁰.

Н. М. Альбов¹⁵¹ и автор книги «Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Канонитский монастырь», скрывающийся под инициалами И. Н.¹⁵², целиком заимствовали у С. Т. Званба сведения о религиозных верованиях абхазов. При этом и тот, и другой подчеркивают, что «самые ценные сведения о языческой религии абхазцев мы находим в «Очерках мифологии», написанных природным абхазцем, Соломоном Званбайя»¹⁵³. В другом месте Н. М. Альбов «Очеркам» Званба дает следующую характеристику: «...Среди литературы об Абхазии мы имеем много весьма ценных статей, которые должны послужить основой для будущих этнографических исследований Абхазии. Из этих статей на первом плане должны быть поставлены просто, но правдиво и толково написанные «Очерки абхазской мифологии» Соломона Званбайя, дающие нам превосходные понятия о религиозных верованиях абхазцев...»¹⁵⁴. «Наши мимолетные наблюдения не могли ничего прибавить существенного к этим сведениям...»¹⁵⁵ И действительно, Н. М. Альбов, говоря

¹⁴⁸ Миансаров. *Bibliographia Caucasica et Franscaucasica*. Опыт справочного систематического каталога печатным сочинениям о Кавказе, Закавказье и племенах, эти края населяющих, т. I, СПб., 1874—1875, с. 259—260.

¹⁴⁹ «Кутаисские губернские ведомости», 1889, № 11, 14, 16, 20—22, 24, 26—29.

¹⁵⁰ См.: ЗКОРГО, 1894, кн. XVI.

¹⁵¹ [Н. Альбов]. Этнографические наблюдения в Абхазии. — «Живая старина», СПб., 1893, вып. III.

¹⁵² И. Н. Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Канонитский монастырь. М., 1898.

¹⁵³ Н. М. Альбов. Указ. соч., с. 321; И. Н. Указ. соч., с. 45.

¹⁵⁴ Н. М. Альбов. Указ. соч., с. 298.

¹⁵⁵ Там же, с. 321.

абхазских языческих жертвоприношениях, об остальных языческих верованиях и т. д., целиком заимствовал данные у Званба, местами оговаривая: «Мы нарочно привели во всей подробности эту выдержку из статьи Званбайя»¹⁵⁶. Альбов пользовался трудами С. Т. Званба и в работе «Ботанико-географические исследования в Закавказье в 1893 году»¹⁵⁷. А. М. Дирр ссылается на «Абхазскую мифологию»¹⁵⁸, а Ф. И. Леонтович — на «Зимние походы убухов на Абхазию»¹⁵⁹.

В предисловии к первой части двенадцатого тома *Известий*, собранных Кавказскою археологическою комиссиею, вышедшего в 1904 году в Тифлисе под редакцией Г. Вейденбаума, в списке «кавказских деятелей» с краткими биографическими сведениями о них, в котором значится и С. Т. Званба, названы все работы последнего с указанием места и времени их опубликования. При этом, как отмечалось выше, подчеркивается, что эти напечатанные работы Званба являются лишь частью «из его сочинений», а также указывается, что «свободное службное время он охотно посвящал чтению и литературным занятиям»¹⁶⁰. Кроме того, в библиографическом алфавитном каталоге (словаре) Е. Г. Вейденбаума, хранящемся в Институте рукописи им. К. С. Кекелидзе АН Грузинской ССР, содержится также справка (довольно пространная) о С. Т. Званба, составленная самим Вейденбаумом из различных источников.

Т. Т. Стефанов в работе «Михайловский крепостной батальон на Кавказе», прилагая формулярный список С. Т. Званба, приводит, как уже отмечалось, более или менее подробный материал, интересный с точки зрения всесторонней характеристики деятельности С. Т. Званба. В частности, он следующим образом отзывался о работах С. Т. Званба: «Сам не чужд был литературы и занимал себя рядом очень интересных и до сего времени не потерявших своего научного значения этнографических

¹⁵⁶ Там же, с. 322—324.

¹⁵⁷ ЗКОРГО, 1894, кн. XVI, с. 141.

¹⁵⁸ А. М. Дирр. Божество охоты и охотничий язык у абхазов. — СМОМПК, 1915, вып. 44, отд. IV, с. 1, снос. 1.

¹⁵⁹ Ф. И. Леонтович. Адамы кавказских горцев, вып. II. Тифлиса, 1882, с. 327.

¹⁶⁰ АКАК, т. XII, ч. I, с. VI—VII.

статей об Абхазии», и в сноске перечисляются все эти статьи (с. 205).

А. А. Миллер в своем очерке «Из поездки в Абхазию в 1907 г.», указав, что любопытные черты, отмеченные в абхазском свадебном обряде Соломоном Званба, уже исчезли, писал также: «В литературе не раз отмечались языческие жертвоприношения и другие обычаи, сохранившиеся, как пережиток, до наших дней. Отмечу очерк Званбая («Абхазская мифология». — Г. Д.), который, будучи сам абхазцем, записал языческие верования еще в пятидесятых годах прошлого столетия». Вместе с тем он приводит сообщение Званба об абхазском обряде воздушного погребения быка, убитого молнией¹⁶¹.

Академик Н. С. Державин положительно оценивает очерк С. Т. Званба «Абхазская мифология», называя его «обстоятельной статьей», а работу А. Н. Введенского «Религиозные верования абхазцев», как было сказано, считает дополнением к этому труду Званбая¹⁶². Академик Н. Я. Марр также пользовался сведениями Званбая¹⁶³. Академик И. А. Джавахишвили в первом томе «Истории грузинского народа», описывая языческие верования грузин в специальной главе (гл. III), говорит о некоторых божествах животных, погоды, растительности и религиозных верованиях (поклонение деревьям) абхазского народа, неоднократно ссылаясь на материалы С. Т. Званбая¹⁶⁴, равно как и на Н. С. Джанашия¹⁶⁵ и П. Г. Чарая¹⁶⁶.

В библиографическом указателе А. Л. Гизетти по истории Кавказской войны упоминается статья

¹⁶¹ А. А. Миллер. Из поездки по Абхазии в 1907 г. — Материалы по этнографии России, т. I, СПб., 1910, с. 65, 66.

¹⁶² Н. С. Державин. Указ. соч., с. 1.

¹⁶³ Н. Я. Марр. О религиозных верованиях абхазов. — Н. Я. Марр. О языке в истории абхазов. М.—Л., 1938, с. 113—119.

¹⁶⁴ ი. ა. ჯაჰაჰიშვილი. Указ. соч., с. 118—119, 123, 134.

В этой книге в качестве даты напечатания «Абхазской мифологии» С. Т. Званба в газете «Кавказ» в трех случаях (с. 118, 119, 123) ошибочно (опечатка) указывается 1885-й вместо 1855 года.

¹⁶⁵ Н. С. Джанашия. Религиозные верования абхазов. — «Христианский восток», Пг., 1915, т. V, вып. III.

¹⁶⁶ П. Чарая. Об отношениях абхазского языка к яфетическим. СПб., 1912.

Т. Званба «Зимние походы убыхов на Абхазию»¹⁶⁷. предметном указателе к «Перечню некоторых книг, статей и заметок о Кавказе» Д. Д. Пагирева¹⁶⁸ и «Указателе сочинений о Черноморском побережье Кавказа» И. Воробьева (Пг., 1915) в отделе (III) этнографии, тропологии и языковедения перечислены все работы Т. Званба с указанием места и времени их напечатания, а также указанная выше рецензия с извлечением «Абхазской мифологии», помещенной в «Журнале Министерства народного просвещения» в 1856 году¹⁶⁹. Абхазской мифологией интересовался и С. С. Эсадзе¹⁷⁰.

Д. И. Гулиа в своих научных исследованиях по этнографии Абхазии также обращается к литературному наследию С. Т. Званба¹⁷¹. Г. Ф. Чурсин в монографии «Материалы по этнографии Абхазии», в числе наиболее ценных и богатых по содержанию статей указывает на «Абхазскую мифологию» С. Т. Званба¹⁷², а в общем списке литературы — и все другие его работы¹⁷³. Причем «Абхазскую мифологию» Г. Ф. Чурсин называет «первой серьезной статьей о религиозных верованиях абхазов» и вместе с тем подчеркивает, что сведениями Званбая «пользовались многие позднейшие авторы»¹⁷⁴. В названном труде и сам Г. Ф. Чурсин часто прибегает к цитированию работ Званба, а также не раз замечает, что «иди иное явление в религиозной жизни абхазов впер-

¹⁶⁷ А. Гизетти. Библиографический указатель печатным на кабардском языке сочинениям и статьям о военных действиях русских войск на Кавказе. СПб., 1901, с. 62.

Нужно заметить, однако, что в этом указателе название статьи Званба дается не совсем точно — вместо «Зимние походы убыхов на Абхазию» мы читаем: «Зимние походы убыхов в Абхазию в 1823 году».

¹⁶⁸ ЗКОРГО, 1914, кн. XXX, добавление, с. 357.

¹⁶⁹ В указателе Н. И. Воробьева неточно называется статья Званба «Зимние походы убыхов на Абхазию». Кроме того, статья «Абхазская мифология» значится в списке дважды (с. 6, 7, 69), той лишь разницей, что во втором случае в ее названии отсутствует подзаголовок — «Из заметок природного абхаза».

¹⁷⁰ ЦГИАГ, ф. 1438, оп. 1, д. 368 (см. выписки из газет).

¹⁷¹ См., например, работу Д. И. Гулиа «Божества охоты и птичий язык у абхазов».

¹⁷² Г. Ф. Чурсин. Материалы по этнографии Абхазии. Сухуми, 1917, с. 249.

¹⁷³ Там же, с. 251.

¹⁷⁴ Там же.

вые или подробно записано Соломоном Званба¹⁷⁵. Последующие авторы, говоря, например, об Ажвейпшаа¹⁷⁶ «большей частью ограничивались повторением сведений, сообщенных» С. Т. Званба¹⁷⁷.

Б. А. Куфтин в работе «Материалы к археологии Колхиды», говоря о вторичном погребении и указывая, что самый факт вторичного погребения находит «опору в очень позднем переживании этого обычая у абхазов в случае погребения убитого молнией», пользуется данными С. Т. Званба по этому вопросу и следующим образом отзывается о его работе «Абхазская мифология» «Ценный очерк полковника¹⁷⁸, природного абхаза С. Званбая, убитого в турецкую войну¹⁷⁹, содержит в себе наряду с подробным описанием этого обычая параллельные указания на применение его также в случае подобной же смерти человека. Ввиду малой доступности этой статьи, я позволю себе привести из нее необходимые выдержки, до некоторой степени, может быть, восстанавливающие древний обряд». В примечании же пишет, что указанное сообщение Званба «пересказано М. Г. Джанашивили в статье «Абхазия и абхазы...»¹⁸⁰.

В 1949 году автором этих строк был опубликован краткий биографо-библиографический очерк о С. Т. Званба¹⁸¹. Ш. Д. Инал-ипа, И. А. Аджинджал, Л. Х. Акаба и другие ученые в своих работах по абхазской этнографии почерпнули немало фактического материала из сочинений С. Т. Званба. Причем некоторые из них особо отмечают тот факт, что первое по времени упоминание и описание абхазского архаического брачного дома амхара принадлежит С. Т. Званба, при этом чрезвычайно любопытными являются его сведения о наличии такого дома и для девушек в доме их родителей¹⁸².

¹⁷⁵ См.: Там же, с. 49, 55, 60, 67, 75—77, 114.

¹⁷⁶ Ажвейпшаа (Ажэицшэаа) — бог охоты и зверей.

¹⁷⁷ Г. Ф. Чурсин. Указ. соч., с. 76—77.

¹⁷⁸ С. Т. Званба умер в чине подполковника.

¹⁷⁹ Речь идет о Крымской войне 1855—1856 годов.

¹⁸⁰ Б. А. Куфтин. Материалы к археологии Колхиды, т. I, Тбилиси, 1949, с. 189.

¹⁸¹ «Труды Абхазского научно-исследовательского института АН Грузинской ССР», XXX, Сухуми, 1949.

¹⁸² См.: Ш. Д. Инал-Ипа. Очерки по истории брака и семьи у абхазов; Л. Х. Акаба. Абхазы Очамчирского района. — КЭС, I.

Профессор М. О. Косвен в статье «Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке», дав краткую биографо-библиографическую справку о С. Т. Званба, следующим образом оценивает работы С. Т. Званба: «Публикации Званба были первыми появившимися в печати серьезными этнографическими сведениями об абхазах и составили, в особенности его работа о мифологии и религии абхазов, значительный вклад в абхазоведение»¹⁸³.

Можно было бы назвать еще и ряд других авторов, но и сказанного вполне достаточно, чтобы видеть, как важно само по себе было значение работ Соломона Званба и их влияние на развитие последующей литературы по изучению этнографии абхазского народа.

Научное наследие и отдельные стороны практической деятельности С. Т. Званба имели также важное общественное значение. Они несомненно способствовали сближению абхазов с русским народом, что можно охарактеризовать как проявление любви к своему народу, стремление вывести его из состояния темноты и приобщить к русской культуре. Таким образом, С. Т. Званба являлся одним из тех представителей угнетенных кавказских народов, которые по своей культуре и интеллектуальности поднялись до уровня прогрессивной категории русского образованного общества. И это тем более показательно, что жизнь и деятельность С. Т. Званба протекала в мрачные времена коронованных жандармов России — Александра I и Николая I. Между тем книга С. Т. Званба «Этнографические этюды», вышедшая в 1955 году и представлявшая сборник его газетных очерков с пространным введением составителя, признания, кстати, в свое время профессором М. О. Косвеном «прекрасным переизданием» этих работ¹⁸⁴, давно стала библиографической редкостью. Новым же в настоящем издании является рукописная работа автора «О Гагре и джигетах», считавшаяся до сих пор анонимной. Кроме того, составитель книги существенно переработал свой биографо-библиографический очерк и дополнил его новыми данными.

¹⁸³ КЭС, I, с. 356.

¹⁸⁴ М. О. Косвен. Указ. соч., с. 263.

ПРИМЕЧАНИЯ

К СТАТЬЯМ С. Т. ЗВАНБА¹

¹ Автор имеет в виду политические рамки Абхазского княжества начала XIX века, а не этнические границы расселения абхазского населения, которые, как увидим ниже, были гораздо шире.

² Речь идет о современной р. Жоквара, протекающей через г. Гагра. Так, примерно, именуют ее (Жеу-адзех, Жеу-адзе и Жеу-адзек) Ф. Я. Лисовский (см.: ГКА, ф. 249, оп. 1, д. 3029, лл. 21—22), И. И. Нордестам (см.: там же, лл. 33—36) и А. Д. Нордман (см.: ЖМНП, 1838, № 11, с. 412). Первую часть названия «Жуадзех» трудно истолковать, хотя и несомненно ее абхазское звучание, а вторая — «адзех» (точнее: «адзыхъ») — означает холодная вода или река, источник.

³ Точнее: Джибхуны.

⁴ Точнее: Амзыха.

⁵ Точнее: Садзын (Сазын).

⁶ Вряд ли такое утверждение соответствует действительности. Как известно, в сознании населения Абхазии садзы (джигеты) всегда представлялись как «кровно-родственные», хотя в самом деле они несколько и отчуждались, находясь за политической границей края. Они входили в абхазскую этническую группу.

⁷ Аибга.

⁸ Хышэха.

⁹ Цанба (Цайба).

¹⁰ Гечба (Геч).

¹¹ Аредба (Арыдба, Арыд, Аред).

¹² Адлер.

¹³ Апхал (ацхал).

* Аергъ — сокращенное имя Георгий (Гьаргъ).

¹⁴ Тушеное мясо.

¹⁵ Голубцы.

¹⁶ Сливки.

¹⁷ Плов.

** В Абхазии говорят: «его огонь погас», — это значит, его род переезжался.

¹⁸ Здесь автор ссылается на книгу Н. И. Ушакова «История военных действий в Азиатской Турции в 1828 и 1829 гг.», ч. I, СПб., 1836 с. 49.

¹ Авторские примечания обозначены звездочками, составителя — цифрами.

*** Из этого следует исключить владетельский дом, члены коего имеют чистое и ясное понятие о христианской религии.

¹⁹ Точнее: Шашвы (Шьашэы).

²⁰ Ажэицшъаа абна инцэаху.

²¹ Точнее: Джаджа (Цаца).

С. Т. Званба выражается об этом божестве как о существе мужского пола («Джадж вознаградил»), что неверно, как это замечает и Г. Ф. Чурсин (указ. соч., с. 98).

²² Речь идет, очевидно, об общинной молитве, известной под названием ацуныхва (ацуныхэа). Молитва совершалась, как правило, при указанных С. Т. Званба обстоятельствах.

²³ Абыста (мамалыга).

²⁴ Ашвымкят (ашэымкьат).

²⁵ Точнее: Анцва рашва (Анцэа рашэа).

²⁶ Точнее: анцва дукуа злапха хаура (анцэа дукуа злыцха хаура).

²⁷ Точнее: ах ду.

²⁸ Точнее: Шашвы абжныа (Шьашэы абжныа).

**** «Аныха» или «ныха» — святыня и вообще все святые, как-то: кресты, образ и т. п.

²⁹ Точнее: хах ду (хах ду).

***** Во все молитвы и религиозные обряды абхазцы включают владетеля и своих помещиков.

³⁰ Приблизительно современный Гудаутский район.

³¹ Точнее: Абжуйский округ (современный Очамчирский район).

³² Современный Гальский район.

³³ Гуныхэа.

***** Слово «ах» имеет двойное значение: владыко и владетель.

³⁴ Амхара (амхара).

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

- Фронтиспис. Портрет С. Т. Званба работы В. Делба (1969 г.).
 Стр. 10. Гагра. Рис. (1833 г.) из атласа Ф. Дюбуа де Монпер.
 „Voyage au Caucase...“ Paris, 1843.
 Стр. 36. Пицунда. Рис. (1833 г.) из атласа Ф. Дюбуа де Монпер.
 Стр. 51. Черкес. Абазинец [абхаз]. Рис. (1836 г.) Н. Г. Чернецова.
 Из кн. С. В. Сафонова «Поездка к восточным берегам Черного моря
 в 1836 году», Одесса, 1837.
 Стр. 65. Портрет А. А. Бестужева-Марлинского работы неизвест-
 ного художника (1830-е гг.). Из кн.: «Литературное наследство»
 Т. 60. П. Кн. I. М., 1956.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Архив внешней политики России (Москва).
- Акты, собранные Кавказскою Археологическою комиссиею (Тифлис), т. XI, ч. I — 1888 г.; т. XII, ч. I — 1904 г.
- Военно-ученый архив.
- Журнал Министерства народного просвещения (СПб.).
- Государственный архив Краснодарского края (Краснодар).
- Записки Кавказского отделения Русского географического общества (Тифлис).
- Институт рукописей им. К. С. Кекелидзе АН ГССР (Тбилиси).
- Кавказский сборник (Тифлис).
- Кавказский этнографический сборник (Москва).
- А — Ленинградский филиал Центрального государственного военно-исторического архива СССР.
- Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа (Тифлис).
- Сборник сведений о кавказских горцах (Тифлис).
- Центральный государственный исторический архив СССР (Москва).
- Центральный государственный военно-исторический архив СССР (Москва).
- Центральный государственный исторический архив СССР (Ленинград).
- Центральный государственный исторический архив Грузинской ССР (Тбилиси).
- Ленинградское отделение Архива АН СССР.

СОДЕРЖАНИЕ

О Гагре и джигетах	6
Зимние походы убыхов на Абхазию	15
Обряд жертвоприношения святому победоносцу Георгию, со- вершаемый ежегодно в Абхазии	24
Поцелуй за занавесом	24
Абхазская мифология и религиозные поверья и обряды между жителями Абхазии (Из заметок природного абхаза)	3
БИОГРАФО-БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК О С. Т. ЗВАНБА	4
ПРИМЕЧАНИЯ	
К статьям С. Т. Званба	8
К иллюстрациям	8
Список сокращений	8

Соломон Теимурку-иџа Аџџанба
АԥС҄УА ЕТНОГРАФИАТӘ ЕТИУДҚ҄УА
Урысшәала

სოლომონ თეიმურკის ძე ჯვანბა
აფხაზური ეთნოგრაფიული ეტიუდები
რუსულ ენაზე

Соломон Теймуркович Званба
АБХАЗСКИЕ ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ЭТЮДЫ

ИБ 576

Редактор Л. Е. Аргун
Художник Л. И. Евменов
Художественный редактор П. Г. Цквитария
Технический редактор В. П. Левченко
Ст. корректор А. А. Мхитарян
Корректор Ж. И. Гублиа
Выпускающий Т. С. Ашхараа

1334

ЭИ60300. Сдано в набор 13.8.1982 г. Подп. к печати 29.11.1982 г.
Усл.-печ. лист. 4,84. Формат 84x108¹/₃₂. Типогр. бум. № 3. Учет.-изд.
лист. 4,85. Заказ № 66/9. Тираж 1500. Цена 20 коп.

Сухумская типография им. Ленина
Государственного комитета Грузинской
ССР по делам издательств, полиграфии и книжной
торговли, г. Сухуми, ул. Ленина, 6.